

Влад Костромин

Крестьянские дети

Влад Костромин
Крестьянские дети

«Издательские решения»

Костромин В.

Крестьянские дети / В. Костромин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960892-5

Рассказ о трагедии, постигшей мою семью. Эта весьма и весьма поучительная история, местами печальная, местами трагичная, местами комичная, местами трагикомичная началась в 1995 году. В практически документальном повествовании мы попытаемся отделить зерна от плевел. Развернем пестрое полотно семейной жизни двух детей, на фоне развала великой страны попавших под власть злой и подлой мачехи, совершенно не ограниченную, плавно нарастающим, ранее скрытым, безумием отца. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960892-5

© Костромин В.
© Издательские решения

Содержание

Крестьянские дети	6
I	7
II	28
III	43
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Крестьянские дети

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2019

ISBN 978-5-4496-0892-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения Автора. За нарушение авторских прав законодательством Российской Федерации предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Крестьянские дети

*Всякий грамотный человек может написать
одну грамотную книгу – книгу о своем детстве.
Н. Г. Гарин-Михайловский*

Имена некоторых героев изменены. После прочтения сами поймете почему. Географические названия ряда населенных пунктов также изменены, так как «такая же история вполне могла бы произойти и в любом другом районе». Все события, описанные в романе, происходили на самом деле, я ничего не выдумывал, только слегка, самую малость, откорректировал и «пригладил» для лучшего понимания сюжета. И немного сэжал время, чтобы повествование не превращать в явный саспенс.

I

Рассказ о трагедии, постигшей мою семью.

Эта весьма и весьма поучительная история, местами печальная, местами трагичная, местами комичная, местами трагикомичная началась в 1995 году. В практически документальном повествовании мы попытаемся отделить зерна от плевел, людей труда от социальных паразитов. Развернем пестрое полотно семейной жизни двух детей, на фоне развала великой страны, попавших под власть злой и подлой мачехи, совершенно не ограниченную плавно нарастающим ранее скрытым безумием отца. Подлость, вероломство, коварство, злодеяния и сексуальные девиации вкупе с дефинициями будут нашими постоянными спутниками на этом нелегком пути.

Для начала надо вкратце коснуться обстоятельств появления крашеной в блондинку алчной бестии с увесистой задницей в нашей несчастной семье. Будь я буддистом, я даже бы подумал, что сие наказание было ниспослано на нас за грехи, совершенные в предыдущих воплощениях. Особым умом, в отличие от вставных зубов, она не блистала, но была хитрой как змея и такой же мстительной. После ухода матери¹ мы жили себе спокойно втроем (я, наш папаша – Виктор Владимирович и мой младший брат – Пашка) и никого не трогали. Папенька, неистовый аудиофил и мракобес, продав телку², купил музыкальный центр³ и по вечерам в компании бутылки водки, большой кружки вина, пачки сигарет «Прима» и попугая Кеши коротал перед телевизором «Тошиба» вечера.

Между тем, у него настойчиво зудело и свербело в паху от навязчивого желания, переходящего в манию, коитуса хоть с кем-нибудь. Учитывая попытки поддержать репутацию безутешного и заботливого отца двоих детей, предаться блуду в деревне и ближайших окрестностях не мог. В Клиновск для секс-вояжа ехать боялся, так как существовали достаточно тесные связи между заводом, на котором он предпочитал блудить, и нашей деревней, которая была подшефной. Порнографические журналы и газеты, которые прятал в спальне за оружейным сейфом, уже не могли удовлетворить либидо в полной мере. К тому же пронирыливый Пашка, оправдывая еврейскую натуру, умудрился умыкнуть и выгодно сбыть сексуально озабоченным сверстникам больше половины нечестивой литературы.

Понукаемый бесом сладострастия и забыв заповедь Божию, отец нашел себе замену или, выражаясь современным языком, сублимацию. Звонил вечерами по деревенским номерам и если брала женщина или девушка, то измененным голосом говорил пошлости и делал им различные скабрзные предложения. Все это телефонное секс-хулиганство сопровождалось издаваемым им мерзким хихиканьем гиены, выросшей возле могильника токсических отходов.

– Учитесь, олухи, – поучал нас, положив трубку. – Главное, долго не разговаривать, чтобы не вычислили.

– Кто? Милиция? – пугался Пашка.

– Какая милиция? Муж! – громко ржал любящий отец. – Подрастешь, поймешь, недоросль!

– Муж тут при чем?

¹ См. рассказ «Праздник к нам приходит».

² Речь идет о молодой самке коровы, а не вовсе о вульгарном названии нынешних самок человека.

³ Фотографии этого «чуда» звуковоспроизведения есть на странице автора ВКонтакте.

– Ну, ты и балбес, Павлик! Я в твоём возрасте уже думал, как бы кому вдуть, а ты ещё элементарных вещей не понимаешь. Надо было не доверять ваше воспитание мамаше, но теперь уже поздно.

– И что делать? – достал свою книжечку брат, приготовившись записывать отцовскую мудрость.

– Что тут сделаешь? – вздохнул отец. – Как тут не крути, а обратно вас, дармоедов, не засунешь.

Не выдержав свалившегося на него вынужденного целибата и не довольствуясь больше телефонной подлостью, одел папенька свою лучшую шапку и рванул в город. Там начальник инструментального цеха и «в одном флаконе» кум Леонид Филиппович познакомил безудержно алчущего плотской любви богатого селянина Витю с бедной горожанкой Наташей, обремененной дочерью жительницей уездного города Смальцо, которая, наповал сраженная его роскошной шапкой, милостиво согласилась поехать в деревню и пожить у нас. Времена были голодные, так что ничего она не теряла, решившись на этот шаг, особенно с учетом того, что великодушный Филиппович, пекущийся о нелегкой судьбе блудливого кума, «закрывал» в цеху часы как будто она продолжала работать.

– Скоро привезу вам новую маму, – хвалился папенька. – Смотрите, не опозорьте батьку! Как говорится, перед лицом мировой общественности и продажной девки империализма.

– А старую маму никак нельзя? – робко поинтересовался Пашка.

– Нет! Умерла, так умерла! – отрезал отец.

Когда Наташа приехала первый раз, то слабовидящий Пашка издала из-за осветленных волос принял ее за двоюродную сестру – Лариску.

– Лариска приехала, – недоуменно сказал он, прибегая из отцовской спальни.

Оттуда брат в окно наблюдал за дорогой в отцовский бинокль, карауля прибытие «новой мамы». «Зоркий орел» Витя частенько пользовался биноклем, чтобы подсматривать за купающимися в озере девушками и женщинами, и чтобы временами озирая просторы подвластной территории.

– Лариска? Чего она будет зимой приезжать?

– Какая Лариска? Где ты там Лариску увидел, крот? – поинтересовался вошедший отец, метко швыряя пышную шапку на лосиные рога. Висели в прихожей, в простенке меж дверями в зал и мою комнату покрытые коричневым лаком рога и папаша любил на них вешать свои головные уборы. – И вообще, растыра, кто тебе бинокль дал? – продолжал допрос, красиво прохаживаясь по прихожей. – Что, кот из дома, мыши в пляс?

– Он там лежал... – начал мямлить застигнутый врасплох Пашка. – На трельяже... Я думал можно...

– Смотри мне, живо в спецшколу загремишь! – погрозил папенька узловатым пальцем. – Брать чужие вещи без спроса нехорошо! Не хватало еще, чтобы ты, хорек косорукий, последний бинокль грохнул. У тебя же мухи в руках целуются, а ну положи на стол! Так, дети, собрались, делайте, как я учил, – похлопал в ладоши. – Быстрее, падлы малолетние! Человек же ждет, мерзнет, пока вы тут как беременные пингвины – раскоряки на льду барахтаетесь. Не май месяц, между прочим, напомним, если календаря сроду в глаза не видели. Нет в вас никакого воспитания! Мамашина школа! Гнилая порода.

Папаша построил нас в прихожей. Мы встречали судьбу, держа испеченную мною ковригу ржаного хлеба с установленной на ней солонкой, оставшейся от матери. Коврига была водружена на пожелтевший от времени, вышитый красными гусями, рушник, тоже оставшийся из материнского приданного.

– Наташа, хватит мерзнуть, заходи, – скомандовал молодящийся жених, приоткрыв дверь на веранду. – А то все придатки себе отморозишь.

В дверь грациозно вошла, вползая в нашу судьбу, одетая в шубу молодая женщина, по правде говоря, осветленными волосами отдаленно похожая на Лариску.

– Мои дети: Влад и Павел. Как говорится, старшОй и младшОй. Дети, это ваша новая мама – тетя Наташа, – похабно подмигнул нам.

– Здравствуйте, тетя Наташа, – как было условлено, дуэтом затагнули мы, – Очень рады вас видеть.

– Какие милые у тебя дети, Витя, – ласково улыбнулась хитроглазая городская змея. – Я тоже очень рада познакомиться. И я не настолько старая чтобы быть тетей. Можете называть меня просто Наташей. Какой у вас хлеб красивый. Сами испекли?

– Угу, – не стал отпираться я. – Сами.

– А вкусный какой, – щедро отломив на маникюрными ногтями кусок и, макнув в соль, отправила в сверкнувший золотыми зубами рот.

– По ма... – отец погрозил из-за спины гостю кулаком, – по бабушкиному рецепту, – поправился я.

– Ну что мы стоим? В ногах правды нет. Давайте покушаем и заодно поближе познакомимся. Я вот тут вам гостинцев привезла.

– От лисички или от белочки? – подал голос Пашка.

– Какой лисички? – недоумевающая гостя повернулась к отцу.

– Не обращай внимания, Наташ. Мать, когда что-нибудь ему приносила, то говорила, что это лисичка передала.

– Или белочка, – исподлобья зыркнув на гостью, подтвердил Пашка.

– Да, не повезло детям с матерью, – вздохнув, вывалила на стол различные немудрые постряпушки, наготовленные ее мамой. – Видать у нее самой «белочка» была.

– Так от кого гостинцы? – не унимался Пашка, жадно рассматривая выставляемые на стол из сумки кульки и баночки.

– Это от моей мамы.

– Теперь у вас будет новая бабушка. Это надо отметить! – довольный папа Витя, гулко шлепая ступнями, пошел в зал и принес из бара бутылку водки и бутылку коньяка.

– Витя, не спеши с новой бабушкой. Вдруг я не понравлюсь детям, и никакой новой бабушки не будет.

– Ну что ты говоришь! Понравишься! – показал два больших пальца папаша. – Это я тебе гарантирую. МладшОй, приволоки вилки из кухни. Да выбери одинаковые, как полагаются. СтаршОй, не будь жадиной, как говорится, телятиной! Тащи вино! Вино для дам первый напиток, – победно сказал отец, – лучше любого Бурдо.

– Бордо, – поправила Наташа.

– А, – отмахнулся, – какая разница? Что одно бурда французская, что другое.

– Ничего я не жадина, – достал из дивана бутылку, в которой когда-то плескалось дешевое молдавское вино, из машины, слетевшей с трассы возле нашей школы и быстро нами разграбленной.

– Вы еще и вино делаете? – умилилась Наташа. – Какие чудесные дети! Просто клад, а не дети!

– Один раз даже пломбир делали, пломбирчики хреновы, – отец налил себе водки, гостю вина, – но Валька их чуть не убила⁴, ха-ха-ха, – громко, словно спятивший от одиночества домовый, захохотал.

– Эскимо, – насупился Пашка, – оно на палочке было.

– Какие умницы! – Наташа подперла щеку рукой.

⁴ См. рассказ «Пломбир»

– Ты пей, Наташа. За нас!

Он выпил.

– На сидр немного похоже, – осторожно отпила Наташа.

– Да что сидр? Сидр это тьфу, скажу я тебе ты видела, какой у нас сад? – широко развел руки.

– Не успела еще, – кокетливо улыбнулась.

– Ладно, как в туалет пойдешь, так оценишь. Вокруг яблони в снегу. И это все наше, наше все.

– У вас туалет на улице? – насторожилась Наташа.

– Да, за сеновалом. Это вино как раз из яблок яблоньки, что возле туалета растет. Ничего, весной увидишь, как тут все цветет и пахнет, – сказал мечтательно. – Тут такой сад, что Чехов бы помер от зависти, если бы увидел. Впрочем, – наполнил свой стакан и налил гостю, – он и так помер, поэтому давай выпьем. За нас!

Чокнулись, папаша проглотил одним махом, гостю, покосившись на нас, тоже мужественно выпила.

– Я тоже помогаю! – решил похвалить себя Пашка, и по привычке хотел скользнуть под обеденный стол, но был остановлен грозным взглядом отца.

– Садись как нормальный человек. Нечего под столами ныкаться – не при маме чай живем! Ныне времена другие... консенсус, можно сказать.

– А что, при маме ребенок под столом сидел? – заинтересовалась городская.

– Да, прятался под столом и подслушивал, уродец малолетний, – ласково потрепал Пашку по всклокоченным волосам отец. – Боялся чужих людей, карандаш очкастый.

– Наркоманы могут меня украсть, – подтвердил Пашка. – Ма... бабушка всегда предупреждала.

– Какой ужас!

Мы сели за стол и начали понемногу общаться. В ходе этого ознакомительного разговора Наташа ловко пыталась влезть к нам в души и все нахваливала, как мы отлично живем без матери.

– Какой у вас тут порядок! Какие вы чистые и ухоженные! Я думала, вы тут как махновцы живете, а вы вон как.

– Эт верно! – самодовольно подтвердил отец. – У нас завсегда порядок в доме. У нас национал-социал и железная дисциплина, как в прусской армии: чашка, плошка, домашняя кошка. Я тут как Си-Си Кепвелл у них.

– И тараканы подошли, – вновь подал голос Пашка, украдкой утаскивая с тарелки какое-то лакомство.

– У вас были тараканы? Какой ужас! – всплеснула руками, едва не ткнув вилкой Пашке в щеку, Наташа.

– При Вальке были, – поспешил внести уточнение папенька. – Я ей, сколько говорил – избавься от тараканов, но ей все не до хозяйства было.

– Не повезло детям с матерью, – вновь вздохнула она.

– Тетя Наташа у вас астма? – поинтересовался Пашка.

– С чего ты взял?

– Просто вы постоянно вздыхаете как-то тяжело. У тети Нины Свечкиной астма, так она так же вздыхает.

– Это сестра моя старшая. Она в городе живет. А дочка ее, Лариска, они с Владом одногодки, к нам на лето приезжает жить.

– Хорошая девочка?

– Славная белокурая егоза, – скривился в улыбке отец.

– И к нам будет ездить, чего ей в городе чахнуть. Я думаю, мы с нею подружимся. Вы кушайте дети, кушайте. Вкусно?

– Вкусно.

– Берите пирожки, пробуйте.

– С мясом? – пугливо спросил Пашка.

– С мясом у нас только пуговицы, ха-ха-ха.

– А-ха-ха! – басовито поддержал папаша. – Видите, какую я вам чудесную маму привез? – «цвел» отец, наливая себе рюмку за рюмкой.

– Угу, – ответил я.

Пашка пытался вытянуть какие-то съедобные рыбные ошметки из пластиковой майонезной баночки.

– Милый, это мы друг другу по сердцу легли, а с детьми не надо так сразу. Они еще не привыкли и стесняются. Паша, а вот что ты больше всего любишь кушать?

– Кто? Я? – застигнутый внезапным вопросом, брат оттолкнул баночку.

– Да, ты. Или тут есть другой Паша?

– Да нет вроде, – неуверенно оглянулся он.

– Хватит придуриваться! Отвечай на поставленный вопрос! – в полупьяном голосе отца прорезалась сталь. – И четко отвечай, как пионер на допросе!

– Я потрошки люблю, жаренные с луком, – застеснялся Пашка.

– А еще?

– Еще картошку, на гусяном жиру жареную. И со шкварками тоже люблю. И колбасу люблю, когда она есть. Влад раз целую коробку колбасы выиграл на колбасне, и мы долго ее ели⁵.

– А ты, Влад? – вперила Наташа в меня холодные глаза, напоминающие фасеточные глаза насекомых.

– Макароны, – наблюдая, как Пашка опять пугливо начал выжимать содержимое баночки, ответил я.

– Макароны?

– Да. Еще хорошо яйцо в них.

– Яичница?

– Нет, просто в горячие макароны сырое яйцо вылить, посолить и перемешать – вкусно.

– Бедный ребенок. До чего же вас мать довела! А вот у меня, например, подруга есть. Так ее сам Газманов к себе на подтанцовку звал...

– Дочка у мамы просила кроссовки. Сходи-ка ты милая на подтанцовку, – мгновенно отреагировал отец.

– А кто такой Газманов? – спросил Пашка.

Повисла тишина.

– Скажите спасибо Наташе, что вы как дикари невоспитанные? – внес завершающий аккорд в знакомство папенька.

– Спасибо, тетя Наташа! Было очень вкусно.

– Скажите, как вам понравилась тетя Наташа, – продолжал командовать отец.

– Вы как эта самая, как Непердите! – восхищенно сказал Пашка.

– Чего?! – вылупилась Наташа.

– Ты что несешь, байстрюк? – грозно сдвинул брови отец.

– Ну, царица египетская, – испугавшись, начал объяснять Пашка.

– Нефертити, придурок! Это он слова путает.

– Ого, Паша сделал мне комплимент, – блеснули золотые зубы.

⁵ См. рассказ «То был вправду день сюрпризов».

– А теперь свободны! – отпустил отец. – Идите, делами займитесь.

– Кстати, – остановил нас голос Наташи, – что это у вас такое? – ткнула пальцем в висевшие в дверном проеме моей комнаты самодельные шторы, сделанные матерью из конторских скрепок и ненужных открыток⁶.

– От бывшей осталось, – смущенно пояснил отец. – Я как-то недоглядел, а дети сами недотумкали снять.

– Эту пошлость надо убрать. Такие аляповатые самоделки признак безвкусицы. Не удивительно, что у вас тараканы жили. Только тараканам такое убожество и нравится.

– СтаршОй, сними хрень, – распорядился папаша. – Наташ, мне самому эти висюльки не нравились. Постоянно за них цепляешься, звенят, нельзя подкрасться...

– Витя, а к кому ты подкрадывался? – заинтересовалась она.

– Ну, я это, – засмутился, – сказал, как говорится, образно. Ни к кому я не подкрадывался конкретно.

Разговор, услышанный, пока я снимал «наследие» матери, навел на мысль, что ушлый папаша скрывает от городской пассии свои заскоки насчет «борьбы с мировым злом» и «утки по найму»⁷.

– Дорогие мои дундуки, дайте я вас сейчас расцелую, дорогие мои дундуки, мы еще, мы еще повоюем, – благодушно запел под конец подвыпивший отец, а я вышел из дома.

– Слышь, батя не хочет ей говорить про свое супергеройство, – выйдя во двор, просветил брата, сидящего на пенке.

– Почему?

– Откуда я знаю? Может у них в городе не принято со злом бороться?

– А если спрашивать будет?

– Чего она тебя будет спрашивать? Больно ты ей нужен.

– Про потрошки же спросила, – засмутился брат.

– Соврешь что-нибудь, как умеешь.

– Ничего я не вру, – заявил обиженно.

– Врешь, ты же ворюга матерый. Такими темпами если будете горшки воровать, то тюрьма по вам плачет⁸.

– Ничего по нам не плачет, – насупился Пашка. – Мы горшками больше не занимаемся, у нас теперь другие масштабы.

– Угу, трактора...

– Это всего один раз было! И то не я придумал!

– Понятное дело⁹.

Через пару дней в гости приехал младший брат отца – Леник. Бабушка, прослышавшая о появлении в нашей осиротевшей семье женщины, прислала его посмотреть и оценить потенциальную невестку.

– Мой младший брат, Леник, – представил папаша прибывшего родственника. – Прошу, как говорится, любить и жаловать.

– Очень приятно, – ответила Наташа, жеманно подавая руку, – Наталья.

– Леник, – по-простецки пожал протянутую руку. – А вы к нам надолго?

– Как повезет, – захихикала, – может быть, что и на всю жизнь. Это от Вити и детей зависит.

⁶ См. рассказ «Пестрая лента».

⁷ См. рассказ «Черный плащ».

⁸ См. рассказ «Деревенский детектив – 3».

⁹ См. рассказ «Агент».

– Ну, дай-то Бог, – пристально осматривал ее Леник, – дай-то Бог. Мать прислала посмотреть, что тут да как, – повернулся к отцу. – А то Филиппович сказал, что с какой-то женщиной ты сошелся.

– Что значит, сошелся? – вскинулся папаша. – Как говорится, нас свела судьба, рок, фатум!

– Ой, Витя, – продолжала хихикать Наташ, – Что ты несешь?

– Я несу людям порядок и справедливость! – привычно начал папаша, но потом вспомнил, что тут есть люди, не привыкшие к таким кунштюкам, и сменил тон. – Что думаю, как говорится, то у трезвого на языке. Может, отметим приезд? – обратился к Ленику. – Тебе с дороги погреться хорошо. Чай, не май месяц на дворе.

– Давай отметим, почему не отметить, – усаживаясь на табурет, согласился Леник.

Папаша, пританцовывая, приволок из бара бутылку бренди «Слянчев бряг».

– Влад, вина нам принеси. Наташ, сала покромсай, – отдавал распоряжения отец семейства. – Влад, луку почисти и чесноку тоже. Горчица, хрен, сметана? – повернулся к Ленику.

– Давай горчицы.

– Влад, достань из холодильника горчицу, сметану и хрен.

– Вить, а сам руку протянуть? – попенял Леник.

– Не барское это дело. СтаршОй подаст. За приезд, – разлил бренди по рюмкам, предупредительно поданным Наташей.

– Наталья, а вы с нами? – поинтересовался Леник.

– Если только пару капель, – продолжала жеманничать. – Я ведь так, обычно, не пью. Если только за компанию.

Она водрузилась на стул и достала откуда-то из-за спины третью рюмку. Папаша набулькал и туда. Выпили, зажевали салом. Папаша намазал кусок хлеба сметаной и хреном и аппетитно жевал, левой рукой стремительно хватая куски сала, макая их в горчицу и забрасывая в молотилку своей пасти. Время от времени рука хватала лук или чеснок и забрасывала туда же. На это зрелище вполне можно было продавать билеты, но некому.

– А вы чем занимаетесь? – нарушил чавканье отца Леник.

– На автозаводе работаю. В планово-распределительном бюро. А тут узнала о беде Вити и решила помочь в его горе.

– За Наташу, – сориентировался папенька и наполнил рюмки.

Выпили, отец опять намазал ломоть хлеба и с тщательностью поломанного автомата закусил по второму кругу. Он жевал, мы смотрели на него.

– При Наташе младшОй хоть перестал под стол прятаться! – преподнес величайшее достижение отец.

– А где он, кстати? – поинтересовался гость.

– Влад, где Пашка? – уставился на меня отец.

– Не страж я брату своему, – процитировал я.

– Молодец, Писание читаешь, – похвалил Леник.

– Так где же обормот? – продолжал гнуть свое отец, цитаты не понявший.

– Тут я, – раздался приглушенный голос и из-под стола вынырнул Пашка.

– Ты что там делаешь? – вызверился отец. – Сказал же, чтобы больше под столом ноги твоей не было!

– Собаки залаяли, а потом кто-то в дверь позвонил, – разъярил Пашка. – Я подумал, что это наркоманы...

– Тяжело пришлось детям с матерью, – лицемерно вздохнула Наташа.

– А вы ее знали? – невзначай поинтересовался Леник.

– Я? – почему-то посмотрела на рога. – Я нет.

– Вы же Витьку небось и до этого видели в цеху?

- Видела, – начала юлить Наташа, – но близко не знала.
- Странно как-то.
- Экий ты братец, моветонщик. А у нас же происшествие, – поспешил влезть папенька, – бюст Ленина украли в конторе.
- Кому он понадобился?
- А вот кому-то понадобился.
- Бронзовый? На металл унесли.
- Нет, гипсовый.
- Странно.

Все задумались над превратностями краж бюстов. В тишине папаша намазал третий бутерброд и вновь приступил к поглощению продуктов.

- Порой просто удивительно, какие гармоничные люди встречаются в природе, – нарушила тишину Наташа.
- Например? – первомайским кумачом расцвел отец.
- Вот я такая... – огладила себя по бокам.
- Хм... – едва не подавился папаша куском бутерброда.

Первые два месяца, пока проводила рекогносцировку, без официальной регистрации брака, коварная мачеха талантливо изображала любовь к будущему супругу и заботу о нас. Обещала нам ни в чем не отказывать. Расписала будущую совместную жизнь такими яркими красками, такие манящие перспективы перед нами обрисовала, что хоть стой, а хоть ложись и сразу помирай в благодати невероятной.

Под конец весны уехала назад в уездный город Смальцо, дав время подумать.

– Ну и как вам тетя Наташа? – хитро щурясь, как кушающий суп из селедочных голов дедушка Ленин на картинках в детских книжках, спросил папенька. – Ну что, оппортунисты мелкие?..

- Мы не портунисты, – пробурчал Пашка.
- Батьке виднее, кто вы. Хотите, чтобы она с нами жила?
- Хочу! – радостно заявил Пашка, которого Наташа холила как кобелька элитной породы перед вязкой.
- А ты чего молчишь, Влад? – папаша грозно свел брови и собрал внушительными складками лысину.
- А что говорить? Или мое мнение что-то поменяет?
- Поменяет или не поменяет – не важно. Но, на фоне того, что наша страна стремится к демократии, мне надо знать и твое мнение. Мы с Пашкой «за». Ты?
- Сомнительная она какая-то. Ничего плохого конкретно сказать про нее не могу, но какое-то предчувствие нехорошее.
- Ты весь в мать! Тоже какие-то предчувствия, какая-то интуиция! Помнишь, как она кричала, что след будем ее искать. И что? Ищем? Паша, ты ищешь?
- Кто? Я? Я – нет! – поспешил откеститься Пашка, весьма напомнив библейского Петра. – Я вообще ее забыл уже!
- А кто тогда ищет? Ты Влад?
- Да нет вроде...

– Что ты как-то виляешь все! Склизкий ты какой-то, как комлевой линь из-под коряги. Ничего определенного. Все сомнения какие-то, предчувствия. Не хватает в тебе этого самого, как его, – с хрустом прищелкнул пальцами, – материализму. Что тебя в тете Наташе конкретно не устраивает?

- Пока вроде как все устраивает, но что-то в ней все равно не то...

– Вы уже взрослые, и должны понимать, что мужику трудно без женщины, поэтому поставим вопрос ребром. Значит двое «за», один воздержался. Как видим, большинством голосов победила тетя Наташа. Послезавтра поеду и привезу ее. Все будет хорошо!

– Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе, – процитировал я классика.

– Вот опять, здорово живешь! Опять сомнения! Ты батьке верь, батька никогда не обманет!

– Угу, оно и страшно...

– Я тебе когда-нибудь обманывал?

– Постоянно.

– Хм... Вот ты как с отцом? С вами бы и сам папа Карло давно тронулся! – хлопнул кулаком по столу. – Ладно, попросишь еще у меня хлебушка. Как говорится, лучше в руках синица, чем не опохмелиться.

Сомнения подтвердились очень быстро. Стоило ей с любвеобильным папой Витей официально закрепить узы Гименея и «расписаться» в районном загсе, как в тот же день безапелляционно заявила:

– Витя, с дворней регистрацию нашего счастливого брака, заключенного на небесах, я отмечать не буду. Эти проклятые дегенераты не относятся к бомонду. Не хватало еще челядь по такому поводу кормить!

Возомнила себя барыней Салтычихой. Корчила из себя этакую жантильную личность, вынужденную терпеть придурковатых отпрысков мужа. Сами они на обратном пути из Добровки сильно нажрались под расстрелянной стелой, обозначающей границы земель совхоза.

– Да, милая, бомондом тут точно не пахнет, – солидно покивал массивной башкой Витя. – У нас все больше навозом...

– Тетя Наташа, вы же обещали! – чуть не плача сказал Пашка. – Мы голодные сидели и вас ждали.

– Ничего я тебе не обещала, мелкий выродок! Твое занятие крыс ловить, а не на нервы капать! И вообще, рот закрой, а то куры насерут!

– Наташа, не нервничай, – встревожился супруг. – Тебе вредно волноваться.

– Витя, у тебя просто сверхнаглые дети! Думают, что я прямо сейчас обосру все ляжки, кинувшись готовить отбросам общества!

– Иди, делами займись! Или по маменьке соскучился? Что, при маменьке сыты были, УО¹⁰ деревенские? – скомандовала Пашке новобрачная, и в сопровождении законного мужа величаво поплыла в альков, то бишь в спальню, ставшую супружеской. – До чего же вы неблагодарны, имбецилы!

– Пап, но она же обещала! – уже с трудом сдерживая слезы, воскликнул вслед обманутый в радужных надеждах Пашка. – Мы же ждали...

– Сынок, тетя Наташа устала. Видишь же, что ей нездоровится, а тут ты лезешь как короед под юбку. Деликатнее надо быть, воспитаннее! Потом отметим, – отвечивший любящий папа, как покрытая коростой рептилия, вслед за супружницей проползая в спальню. – Займитесь делами. Чего зря дурью маяться? Свиньям идите варить, нечего бездельно спотыкаться – дверь в спальню захлопнулась перед сморщившимся лицом брата.

– В десять часов порядочные люди должны отходить ко сну, – послышался из-за двери капризный голос мачехи.

– И отойдем, милая, – филином заухал отец. – Немного пошалим и спать.

Из-за двери вскоре донеслись истошные звуки неистового совокупления, которым позавидовала бы целая стая бабуинов, и стало окончательно ясно, что папеньке теперь не до нас.

¹⁰ УО – умственно отсталые, такой аббревиатурой нас любила называть мачеха.

Вот как быстро из людей внутренняя гниль и моральная нечистота переть начинает. Как из летнего деревенского туалета, в который недалекие шутники бросили пачку дрожжей. Стоит заметить, что я как человек с детства крайне, до перехода временами в легкую паранойю, недоверчивый, во все эти щедрые «предвыборные обещания» Наташи не верил. Сразу мне показалось, когда в прихожей впервые блеснули золотые зубы, что она человек низменной морали.

А вот наивный и мечтательный ребенок – Пашка, оставшийся на короткое время без жесткого диктата матери, так «губу раскатал» на дальнейшее наше привольное и сытое житье – бытие, что хоть губозакаточную машинку ему покупай.

– Она же обещала, – в слезах говорил мне, не в силах до конца поверить в наглый, бесовестный обман, – говорила, что будем жить лучше, чем с матерью!

– Угу. Жди дальше. Скажи спасибо, если в детдом не сдадут. А скоро еще и сестрица нарисуетя...

– Может, хоть она не станет с нами жить?

– Поживем – увидим. На все воля Божия. Батя говорил, что она просто прелесть...

– А что такое УО?

– Без понятия.

– А имцибелы?

– Вот и спроси у тети Наташи, когда она освободится.

– А отбросы общества?

– Это типа париев. Изгой такие.

– А куда нас изгонят?

– Пока не знаю, но что-то мне эта городская лохудра сразу не понравилась.

– Нужно было тебя слушать, – горестно вздохнул брат. – А я-то поверил.

– Теперь уже поздно, – вернул вздох я. – Да и толку? Все равно бы он нас не послушал.

– Правильно мать говорила, что он бурдулек, – согласился Пашка.

– Эт точно.

Не кривя душой, надо честно признать, что родственники у свалившегося на нас, как гром среди ясного неба, наказания Господнего, были ничуть не лучше «новой мамы». Были чрезвычайно прожорливы. Сытно пожрать и обильно выпить за чужой счет отнюдь не дураки были. И не только за наш. Вообще «халяву» любили. На воследовавшей после посещения загса свадьбе нетерпеливой Наташи и немолодого жениха Витеньки родственники невесты сожрали шесть овец, превзойдя древних монголов, способных вчетвером за раз скушать барана. И это не считая несчастной свиньи и всякой неудачливой пернатой мелочи типа курей, индюков и уток. Там натуральный достархан был накрыт нами для дорогих, в буквальном смысле слова, гостей.

– Витя, ты же не хочешь ударить лицом в грязь перед моей родней? – зудела Наташа.

– Конечно, нет!

– Тогда нужно все на уровне сделать.

– Все будет как в лучших домах ЛондОна и Парижу, милая! Даже не сумлевайся!

– Влад, бери Пашку в помощь. Ваша задача сделать стол в саду, возле погреба, –скомандовал.

– Большой?

– А как ты сам думаешь? Или хочешь, чтобы батя в грязь лицом перед людьми ударил?

– Не хочу.

– Тогда, как говорится, разрешите выполнять! Бегом, кругом, марш!

За пару дней мы сколотили из струганых досок и брусков крепкий и длинный стол и две массивные лавки.

– Хоть пляши, – похвалил, осмотрев нашу поделку. – Молодцы. Умеете же, когда захотите! Все в меня!

– Зачем на нем плясать? На земле места мало?

– Молод ты еще. Может, кто-то из женщин станцует стриптиз. На земле же никто стриптиз не танцует, – хитро подмигнул. – А со столом совсем другой коленкор выйдет. Хоть на голую бабу посмотрите, если повезет, ха-ха-ха. Как говорится, кричали женщины ура и в воздух лифчики бросали.

Мне пришлось почти всё время мерзкой свадьбы, больше похожей на пошлый и бездарный любительский спектакль, провести в канализационном колодце. Вода перестала течь из крана и папаша сказал:

– Влад, надо ликвидировать аварию водопровода. Вперед, Родина на тебя смотрит.

– А как же свадьба?

– А что тебе свадьба? На свадьбе главное жених, а я вот он, ха-ха-ха.

– Я хотел посмотреть.

– Вот чем быстрее будет отремонтирован водопровод, тем больше увидишь. Как говорится, все в твоих руках и даже член.

Пьяные вопли типа отечественных аналогов «*Salvete, bomi future conjuges!*»¹¹, издаваемые участниками пошлого фарса под аккомпанемент любимой неразборчивым аудиофилом Витей разухабистой попсы, долетали до меня и в колодце. Не было в этих обезьяно – и гиеноподобных звуках святой чистоты индюшиного пения, совершенно не было!

– Парня полюбила, на свою беду, – безумным соловьем разливался папаша, пугая окрестных кур. – Не могу открыться, слов я не найду-у-у-у.

Любил группу «Комбинация», как раз быстро набирающую популярность в среде таких же лишенных музыкального вкуса поклонников, как и он. Позднее, правда, стал слушать «Любе» и «Золотое кольцо».

– Витя, мы самое яркое созвездие в этой галактике, – надрывалась счастливая Наташа. – Нас теперь никто не остановит!

– Горько! – вопили пьяные гости.

При матери поехали мы в Клиновск, в цирк, на выступление любимого ею Добрынина. Гордый носитель апоплексии папа провел все время концерта, рассматривая в бинокль умеренно одетых девишек из подтанцовки этого самого Добрынина. А я рассматривал негров. Первый раз в жизни встретил живых негров. До этого про них лишь в книгах читал. Телевидение тогда еще не было захлестнуто мутным потоком пошлой продукции Голливуда с «фирменным афроамериканским юмором», поэтому на экране таких персонажей не было.

Два негра сидели на ряд выше нас, и ближе к концу первого отделения уже заметно нервничали от моего пристального внимания.

– *Гляньте, живые негры!*

– *Это мои друзья из Анголы, — важно заявил отец, не отрываясь от арены.*

– *Нехорошо так обращать внимание на людей!* – одернула мать. – *Смотри вон лучше на Пашку!*

Смотреть на певца она не могла мне приказать, волнуясь, что полуголая подтанцовка повредит моей юной нравственности. Мамаша была слегка двинута на этой почве. Когда в клубе показывали кино, то всегда сажала нас с Пашкой на кресла перед собой и при малейшем намеке на «обнаженку» на экране закрывала нам руками глаза.

– *Где негры? Живые? Настоящие?* – оживился Пашка, который арену все равно не видел.

– *Вон, сзади тебя сидят.*

¹¹ «Да здравствуют будущие добрые супруги!» (лат.).

– Где?

– Да вон же! — ткнул пальцем в сторону черных людей.

– Показывать пальцем некультурно! — одернула мать. — Павел, не вертись! Смотри на Влада!

– Мы в цирк приехали друг на друга смотреть?

– Не мешайте мне слушать песню! Устроили балаган какой-то, дикари! Людей постыдитесь!

В антракте я поднялся к «друзьям из Анголы» и спросил:

– Здравствуйте. А вы Тома Сойера знаете?

Они переглянулись и ничего не ответили.

– А Гекельберри Финна? — не отставал я.

«Дети черного континента» смотрели на меня как бараны на новые ворота. «Немые? Или просто по русские не понимают?» — подумал я и вернулся на место.

– А вдруг это шпионы? — Пашка начал корчить им рожи. — Помнишь, как в том анекдоте, что крестный рассказывал?

– Заткнетесь вы уже когда-нибудь или нет? — не выдержала мать. — Совсем ополоумели. Негров ни разу не видели?

– Нет! — в один голос ответили мы.

– А ты видела? — спросил Пашка.

– Я? Я...я нет, — была вынуждена признаться.

– Я видел, — наконец-то соизволил обернуться к обсуждаемым отец. — Негры как негры, — наведя на них бинокль, громко заявил. — У нас таких полно было.

Теперь уже весь ряд, забыв про певца, таращился на них. Не выдержав подобного обращения, в конце концов, иностранные граждане ушли.

Политически грамотный демагог, вдохновившись зрелищем полуодетых девишек, во время двухчасового пути домой прочел нам лекцию о борьбе с апартеидом, освобождении народов Африки, угнетении негров в США, Патрисе Лумумбе, Анджеле Девис и Нельсоне Манделе. Еще, щедро пересытая захлебывающуюся речь непарламентскими выражениями, поведал о своей героической борьбе против представителей свободной Африки. У них в сельскохозяйственном институте негров много училось, да и арабы с китайцами всякие встречались.

Конфликт у длинноволосого детинушки Вити получился с черными представителями братской Африки. Причина скандала была в отказе знакомого негра дать любострастному сатиру заграничный порно журнал и налить виски. Да, неплохо тогда африканские студенты жили за деньги простого советского мужика. Разозленный отказом «белый господин» Виктор, матерясь, покинул комнату улыбочивого «друга из Анголы» и затаил злобу так, как могут затаивать только истинные паразиты.

На следующую ночь, как раз накануне отъезда на летние каникулы, забросал окна иностранного общежития кирпичами, разбив их и поранив осколками нескольких «черных братьев». Сам свалил в деревню, терзая несчастных родителей и тиранить сестер, а доблестные сотрудники КГБ стали искать диверсантов, под покровом ночи подло поднявших руку на священную «дружбу народов». Но так как все теперь воочию видят уровень мыслительных способностей сотрудников, то вполне понятно, что верзилу-расиста так и не нашли.

Накануне свадьбы приехал усатый Леонид Филиппович с новой подругой жизни Надеждой, которую сопровождала грудастая дочка, и привез нашу двоюродную сестру Лариску и Леника. Бабушка Дуня на свадьбу не приехала: во-первых не одобряла столь скоропалительного брака старшего сына, а во-вторых, была приверженицей принципа, что ходок всегда здоровее ездока, а пешком до Горовки было около двухсот километров, и оставлять домашнюю скотину без присмотра на такой срок не могла.

Весь вечер, пока женщины готовили салаты и легкие закуски к торжеству, мужской компанией просидели в саду за недостроенной баней, за сколоченным мною дощатым столом, поглощая привезенное Филипповичем пиво. Целых две десятилитровых канистры привез. Я снабдил своеобразный «мальчишник» сушеной рыбой из своих запасов¹². Филиппович и Леник убеждали папу Витю не забывать родных детей в ослеплении любовном.

– Детей никогда не забуду! – торжественно восклицал папаша, нервно теребя руками белое волокнистое мясо окуня. – Я и женюсь-то только ради того чтобы у детей была мать. Одному мне трудно будет их воспитывать.

– Не верю я тебе, Витя – с сомнением покачал головой Леник. – Хоть убей, но не верю.

– Да чтоб мне сдохнуть, если я вру! – горячился папенька, махом опрокинув в себя помятую алюминиевую кружку пива. – Да разрази меня гром прямо на этом месте! Детям с Наташкой хорошо будет!

– Ладно, поживем-увидим.

– Гром разразить некого не может, – ехидно заметил Пашка, до сих пор обиженный, что папаша не стал отмечать с нами «ропись».

– Ты шибко умный стал, да? – ловко отвешенный родителем подзатыльник заставил Пашку заткнуться. – Никакого воспитания! Хули ты лезешь в разговор взрослых?

– Он как лучше хотел, – заступился Филиппович, сдувая пену с усов и ломая твердые янтарные пластинки щучьего мяса. – И вообще, ты Вить руки то не распускай.

– Да я же любя, – конфликтовать с вспыльчивым кумом-боксером лысый хитрец вовсе не был настроен. – Как говорится, бьет, значит любит. Паш, скажи, что я не сильно.

– Не сильно, – вынужден был соврать в глаза повернувшемуся к нему крестному Пашка, пугливо косясь на показанный из-за спины Филипповича кулак отца. – Он и сильнее может. И ногами...

– Давайте выпьем за детей, – предложил папенька, стремясь уйти от скользкой темы, – чтобы им легко жилось с новой матерью.

– За это грех не выпить!

– А кто такой УО? – пользуясь случаем, решил выяснить любознательный Пашка.

– УО? Хм, это умственно отсталый, – просветил племянника Леник. – А где ты это слышал?

– Он у нас такой, вечно при маме под столом сидел и подслушивал, – засуетился отец под внимательными взглядами двух пар глаз. – От нее и нахватался.

– Темнишь ты что-то, Витя...

– Да чтоб меня приподняло и шлепнуло, если я вру! СтаршОй, приволоки еще рыбы! Что ты жадничаешь для гостей?

– Ничего я не жадничаю!

– Рыба знатная, – похвалил Филиппович.

– Под пиво самое оно, – не остался в стороне и дядька.

– Мой улов, – распушил перья папенька. – Мы завсегда при рыбе!

– Ты же ловить не умеешь, – усомнился Леник.

– При умной голове уметь ловить и не надо, – постучал себя по лысеющей черепушке. – Мозги надо включать и будет рыба.

– А что такое имцибелы? – прочел с клочка бумажки непонятное слово Паша.

Взрослые переглянулись между собой.

– Может, децибелы? – предположил Филиппович.

– Я вообще не знаю таких слов, – признался Леник. – Паш, где ты их только нахватался?

¹² См. рассказ «Ленин и печник».

– Да он вечно у нас слова путает, – прояснил отец. – Нахватается и пристаёт к кому ни попадя. Давайте лучше выпьем за память!

Выпили.

– Оголодал я, как говорится, сексуально без жены законной, пора уже и поменять устои, – провозгласил папаша. – Давайте выпьем!

Выпили.

– Слабоумный, слабоумный, слабоумный дядя Коля, слабоумный дядя Коля, ты взглядишь в его лицо, – запел отец.

На следующее утро, под надсадный крик большой стаи откуда-то прилетевших грачей¹³, чопорно как квакеры усевшихся на проводах, на наши больные после пива головы, как беды из ящика Пандоры посыпалась голодная развеселая орда родственников со стороны счастливой новобрачной. Форменная стая охотящихся гиен. Почти все гости свадьбы были со стороны невесты, с нашей стороны, считай, и не было никого. Правда, пригласили тогда соседей – Кольку Лобана¹⁴ с женой и ещё был приглашен главный инженер совхоза Иван Иванович Куцый с супругой.

С овец, которых при еще матери бабушка Дуня нам дала, самой бабушке ни кусочка мяса не передали эти безбожные скоты – родственники Наташи. Хотя себе в машину два ведра вареной баранины, залитой жиром, погрузили. А ведь добрая бабушка Дуня, беспокоясь о прожорливом сыне, так внезапно обретшем позднее семейное счастье, машину Филипповича консервацией и всевозможными постряпушками загрузила. Всё пожрали новоявленные алчные родственники аки саранча ненасытная. И даже ведер мы потом назад не получили, хотя ведро и тогда, и сейчас на селе считается немалой ценностью.

Если хорошенько, как бицепс молодого Шварценеггера, напрячь память и вспомнить, толпа оглоедов большая собралась. Так и стоят наглые лица перед внутренним взором, очистившимся ради этого рассказа от наслоений прожитых лет:

– мать и отец мачехи (в дальнейшем периодически буду называть их бабкой с дедом) Зельма Карловна и Борис Николаевич;

– длинноногая и долговолосая дочка мачехи, ровесница Пашки – Настя;

– Света – старшая сестра мачехи из Москвы с сожителем – крымским татаринцем Валерой;

– Лена – младшая сестра мачехи из Мурманска с мужем¹⁵ и двумя детьми: сыном Толиком и дочкой Женей;

– длинный обалдуй Славик – младший брат мачехи из Подмосковья – довольно малахольный гражданин, с какой-то размалеванной шлюхой неопределенного статуса, имя которой моя память для нашей истории не сохранила. Впрочем, эта особь женского пола в дальнейшей истории и не фигурирует, поэтому вспоминать имя эпизодического персонажа не вижу смысла;

– Николай – старший брат мачехи¹⁶ с невнятной женой и сыном-оболтусом¹⁷, носящим стрижку каре;

– Сергей Николаевич¹⁸ – дядька мачехи по отцу, чрезвычайно гордящийся своими уголовными связями¹⁹, с сыном Кириллом и женой;

¹³ В чем наша мать без сомнения углядела бы дурную приметку.

¹⁴ Герой, знакомый читателям сборников «Наследники Мишки Квакина».

¹⁵ На удивление нормальный человек оказался. Может быть потому, что был белорусом?

¹⁶ Потом станет владельцем одного из крупнейших частных банков России. До этого мы еще дойдем.

¹⁷ Был пойман Николаем на просмотре порнофильмов. Кассета застряла в видеомагнитофоне и он, ничтоже сумняше, разобрал видеомагнитофон, чтобы ликвидировать следы просмотра, но до конца извлечь видеокассету так и не смог. Оболтус и недоросль, одним словом.

¹⁸ Это он на японской машине приезжал – см. забавный случай, описанный мной в рассказе «Ленин и печник» из сборника «Наследники Мишки Квакина».

– дядя Володя – бородатый угрюмый тип желчного вида. Ему еще штормовку и гитару так вылитый бард был бы;

– двоюродный брат мачехи, имя которого моя память в точности также не сохранила. Вроде как Олегом этого мелкого сморчка с выкрашенными в зеленый цвет волосами звали. Ему потом суждено было сыграть немалую роль в падении жизненного локомотива нашего папаши под откос. Впрочем, вся эта «семейка Адамсов» в своё время немалую роль в моральном падении хризипендера Вити сыграла;

– крашенная хной вульгарная Ира – закадычная подруга Наташи, та самая, которую якобы звал в подтанцовку Газманов. Она во время свадьбы похотливо пялилась на Лобана, и, приглашая Кольку на танцы, неприлично прижималась к нему.

Вот такая немалая стая жадных потребителей халявных «хлеба и зрелищ» собралась на нашем несчастном подворье, волею отца отданном на растерзание городских бесов. Духовный плебс, ошибочно мнящий себя истеблишментом. Возможно, что и забыл уже кого с ее стороны, за давностью прошедших лет. Вроде была и пара каких-то прибалтанных шалавистых подруг новобрачной в этом кагале, но уже не поручусь. Память детства, горячим гейзером пробивающаяся сквозь толстый лед прожитых лет, иногда уже подводит.

Даже по нынешним временам напоить и накормить такую бездонную стаю стоит немалых денег и трудов. А что уж говорить про тогдашние полуголодные времена? Шел 1995-й год. Надо ещё заметить, вне всякого стремления автора принизить какую-либо национальность, что родственники мачехи были наполовину евреи, а наполовину казахи. Убийственная смесь получается, если задуматься. И как показала жизнь, честным русским людям не сулящая совершенно ничего хорошего. Что уж говорить про ирландских евреев, которых и так всю жизнь притесняют все, кому не лень.

На свадьбе пьяный папа Витя, похожий на пораженного стригущим лишаем Кинг-Конга, гулко бил себя кулаком в жирную грудь и на всю деревню кричал:

– Если жена не понравится детям, то я поменяю жену! Женщин много, а дети одни! Я люблю своих детей и никому не дам их в обиду!

– Горько! – внезапно заорал отец мачехи в наступившей после такого неожиданного заявления новоиспеченного мужа напряженной тишине.

– Горько! – облегченно подхватили гости.

Папаша ловким движением замахнул стаканюгу смеси шампанского и водки и как вампир впился в пухлые губы супруги.

Стоит ли говорить, что о прилюдно данных обещаниях он забыл уже на следующий день. Под пьяный шум свадьбы сын Николая и дочка Надежды ускользнули из-за стола и тайком отправились на озеро. Хватились их только к вечеру. Потом оказалось, что этот «свадебный заплыв» обернулся для грудастой горожанки, разомлевшей от обильной халявной выпивки на свежем деревенском воздухе, абортom. Видать не зря похабно стриженный недоросль Кирилл смотрел отцовские порнокассеты...

На следующее утро новоиспеченная супруга закатила шумный скандал.

– Пускай везут твоей маме! – потрясая мятой простыней, бегала по дому, натываясь на похмельных гостей. – Не понимаю, чем свекровь недовольна! Да, у меня есть дочь – разве я виновата?

– Наташа, успокойся, – пытался урезонить ее Витя.

– Нет, не успокоюсь! Я не понимаю ее претензий! Можно подумать «б/у» тебе целкой досталась!

– Наташа, не надо при людях!

¹⁹ По его словам хорошо знал Отари Квантришвили.

– А чего мне людей стыдиться? Это же не я мужу рога наставляла!

Гости стыдливо отводили глаза и спешили выйти во двор на свежий воздух.

– А давайте-ка похмелимся! – как жирная муха лапки, потирая руки, предложил отец новобрачной. – Что там у нас осталось? Виктор, вели человеку подавать напитки!

– СтаршОй, волокни водку на стол и баранину принеси! Сальца еще притараньте с чесночком. Видите же, что людям закусить нечем.

– Знаешь Вить, я наверно поеду, – сказал Леонид Филиппович. – Совет вам, как говорится, да любовь, а нам с Надей пора.

– Я тоже поеду, – поддержал Леник. – Отпраздновали, пора и честь знать.

– И этот про честь! – выскочила из дома Наташа. – Витя, за что они меня попрекают?

– Наташ, никто тебя не попрекает.

– Что, мне надо было себе влагалище зашить? Тогда бы твои родственники были довольны?

– Вы тут разбирайтесь, а мы поехали, – поспешил откланяться Филиппович.

– Я тоже поеду, – присоединилась к ним Лариска. – А то потом от вас никак не выберешься.

– Езжайте, скатертью дорога! – напутствовала Наташа. – Витя, гости могут заскучать без нас. Пошли в сад.

– Пошли, – недоуменно и даже как-то обиженно глядя вслед уходящим родственникам согласился папаша.

Свадьба, все больше и больше похожая на пошлую оргию, продолжилась.

– Горько! – не унимался тесть.

– Горько! – вторила ему теща.

– Горько, так горько, – папаша схватил стакан и привычно залил в себя водку. – Ура, товарищи! За Наташу!

– За Краснополевых! – не унимался дед. Морщины на красном лице стали такими глубокими, что в них точно до половины вошла бы спичка, а монетка исчезла бы безвозвратно. – За наш казачий род!

Гулянка продолжалась. К вечеру отец окосел до такой степени, что начал слегка заговариваться.

– Выпьем за товарища Сталина! – вскочив на стол, который едва не рухнул под весом туши, заорал он.

Гости недоуменно переглянулись.

– Вот и «белочка», – сказал я Пашке. – Сейчас будут подарки.

– Главное, чтобы не нам, – пугливо отозвался тот, на всякий случай, отступая за яблоню.

– Вот придут наши! – продолжал надрываться отец. – Всем тогда достанется, кто не ждал!

– А мы ждали, – впервые с начала свадьбы подал голос Колька Лобан. – Мы ждали и верили!

– Молодцы, – обрадовался жених. – Ура-а-а-а!

– Ура, – нестройно подхватили гости.

– Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь, да здравствует созданный волей народной, единый, могучий Советский Союз, – затянул лысый баламут, покачиваясь на столе.

Допеть гимн до конца не удалось. Ножка стола ушла в почву, и папенька спикировал на мягкую землю. Загаженная остатками пиршества скатерть, которую он зацепил ногой, накрыла его как погребальный саван.

– Витя, ты живой? – первой отреагировала на перформанс Наташа.

– Не дождетесь! – вскочил, как ошпаренный поросенок, и начал бегать вокруг накренившегося стола. – Это попытка переворота! Политическое убийство!

Скатерть, шлейфом платья невесты, тянулась за ним. Потом наступил закономерный итог: он запнулся за скатерть и вновь рухнул на землю.

– Я этого так не оставлю! Урою!!! – лысый метеор кинулся в дом. – Всех возьму за хоботы! Вы мне сейчас ответите! Я ужас, летящий на крыльях ночи!

– Витя! – бежала следом супруга. – Витя, одумайся!

Гости опасливо сбились в кучку и жужжали как взбудораженный ночными медокрадами улей.

Из дома выскочил отец, сжимая в руках ружье.

– Молитесь теперь, падлы городские! – вскинул ружье кверху и жажнул дулетом в бездонное-синее летнее небо, испуганно смотревшее на творящееся безумие. – Смерть пришла ваша! Победитель темных сил – Костромин!!! От винта!!! Зигзаг, ко мне!!!

Испуганные гости кинулись через ограду из толстых горизонтальных жердей в сад. Колька Лобан, черный пиджак на котором сидел, как на барсуке седло, смущенно и неуверенно улыбаясь, шел к отцу.

– Зигзаг, от винта!!! – надрывался тот. – Покажем городским буржуйам, где раки зимуют!!! Наших бьют!!!

– Витя, не надо, не надо, Витя! – визжала мачеха, прыгая вокруг него, как Моська вокруг слона. – Это же твои родственники! Это уважаемые люди!

– Коля, не позорь перед людьми! – схватила мужа за рукав пришедшая в себя Лобаниха. – Не вмешивайся, это семейное дело.

– Семейное? – неуверенно улыбнулся Колька и зарядил в торец пробежавшему мимо дяде Володе. – Неча наших забижать.

Дядя рухнул на мягкую землю и свернулся в позе зародыша, видимо, думая, что будут бить ногами. «Повисло напряженное, гнетущее молчание», – как пел классик. Гости убежали, дядя корчился на земле, Лобан и Лобаниха смотрели на него, папаша тупо стоял и смотрел на ружье.

– Забыл, как оно открывается, – сказал, неуверенно глядя на меня.

Я осторожно приблизился.

– Там рычаг надо сдвинуть, – посоветовал Лобан, примериваясь, стоит ли пнуть поверженного.

– Давай, помогу, – сказал я папаше. – Дай, я открою.

Он доверчиво протянул оружие.

– Одни только дети меня понимают, – густые мутные слезы обильно покатались по сморщенному яблоку лица. – Только они не бросили, не предали, у-у-у-у.

Папенька притянул меня и, крепко обняв, уткнулся тяжелым скользким лбом в мое плечо, давясь неразборчивыми рыданиями и обдавая запахами перегара, горчицы, хрена и сгнившей капусты.

– Успокойся милый, все хорошо, – угрем вклинилась между нами Наташа. – Ты просто устал. Сейчас поспишь, и все наладится. Влад, помоги отвести отца в спальню.

Я передал ружье осторожно подошедшему Пашке, который сразу же начал носиться с ним по двору и кричать «Пиф! Паф!», направляя в сторону запуганных гостей, а мы с мачехой повели отца в дом.

– Первоапрельский капустник вам в задницы, – обернувшись на крыльце, выкрикнул папаша. – Маруся еще вернется!!!

– Пошли, милый, пошли, – ворковала Наташа. – Поспишь, протрезвешь, и Маруся обязательно вернется.

Тот перестал упираться и пошел с нами. Довели его до спальни и уложили на кровать.

– Выйди, смерд, мне надо оказать мужу интимную помощь, – распорядилась мачеха.

Я вышел на улицу. Гости робко стояли в саду, переминаясь с ноги на ногу, как первоклассники, захотевшие писать на торжественной линейке, и боялись лезть через ограду обратно. Лобан, подняв дядю Володю, сидел и пил с ним «мировую» за перекошенным столом.

– Ты на Владимирыча не сердчай, – приговаривал Лобан, обняв потерпевшего. – Мужик он хороший, с пониманием. Ну, выпил, с кем не бывает? Да?

– Да, – соглашался побитый горожанин, искоса глядя на кулаки Кольки.

– А так он хороший. Мы с ним столько всего наворотили, когда он в плаще чкался. До сих пор нас вспоминают, только что песни не складывают. Ты не сердчай, что в грызло тебе приложил, я же за дело, а то приехали тут с городу и распоряжаетесь. Нехорошо это.

– Нехорошо, – покорно соглашался приехавший, – не к месту приехали.

– Все в порядке. Витя просто не может простить «бывшей» гнусной измены, – объяснила гостям вернувшаяся Наташа. – Продолжайте веселье. Влад, Паша, несите еду! Пить будем, гулять будем!

Мы поправили покосившийся стол, и гости продолжили пьянствовать, время от времени косясь в сторону крыльца. Только через три дня орава Краснополевых, пожрав все как саранча, покинула наш дом. Городские дикари умудрились засрать всю дорожку к туалету, а территория за баней была завалена использованными презервативами. Права была деревенская склочница бабка Максиманиха, говоря:

– Все городские давно промеж собой поперетрахались!

И они еще пытались учить нас, деревенских тупиц, культуре!

Папаша пришел в себя, но первое время его было не узнать. Почти не пил, во всем помогал новой супруге. Изредка чистил хлевы и колол дрова, кормил свиней и собак. Вплоть до того, что по осени перебирал вместе с Наташей картошку.

– Не гнушаюсь я физической работы, – так заявлял он.

При матери такого ни разу не было.

Перестал именовать себя борцом со злом и уткой по найму. Даже начал заниматься с моими самодельными гириями, сделанными из двадцатидвухкилограммовых блинов от штанги. Я взял ручки от пружинных блоков комплекса и пару цепей. Прodel цепи в блины и с помощью больших болтов закрепил ручки на цепях. При жиме или толчке такой «гири» довольно сильно разбивались плечи и предплечья, и я постоянно ходил с синяками, но не жаловался.

Правда, через пару недель ему это надоело, и папаша к атлетической гимнастике охладел.

– Мне и секса вполне хватает для нагрузки, – похотливо ухмыляясь, заявил он. – Это вам с Пашкой энергию девать некуда. Как говорится, еще вся сила в яйцах.

– Это как, сила в яйцах? – заинтересовался любознательный Пашка. – Как у Кощея?

– Молод еще, не поймешь. У тебя еще все спереди, – по-жеребьячьи восторженно ржал папаша. – Выдумает же, как у Кощея. Балбес, честное слово, балбес.

Тут позволю себе небольшую диатрибу. Да, мало кто сейчас знает, что такое честный крестьянский труд. Мне же крестьянский труд знаком отнюдь не понаслышке. Мы, деревенские дети, честно работали в поте лица, по завету Божьему, зарабатывая на хлеб свой насущный. В нынне порядком подзабытые времена дети в сельской местности рано приучались к тяжелому, честному и праведному труду.

Лично я начинал знакомство с крестьянским трудом с чистки навоза в свинных и коровьих хлевах. Грязное, дурно пахнущее, но правильное и необходимое дело, надо вам заметить. Возможно, именно поэтому я и стал честным ассенизатором. Как знать, как знать. Навоза за двумя коровами и четырьмя свиньями немало образовывалось. Так что пару-тройку часов в день с вилами и совковой лопатой в руках приходилось активно вдыхать запах побочного

продукта животноводства. Зато я знал, как мясо на столе появляется, в отличие от нынешнего молодого поколения, морально и физически искореженного придуманным заокеанскими гордецами фаст-фудом.

Позже, под руководством незабвенного деревенского мудреца, которому измышленный Шолоховым дед Щукарь и в подметки не годился, деда Феогида²⁰, освоил косу. Не такая уж это и легкая наука – косить. Это вам не на коньках раскормленным тазом пошло вилять, низменности и стадности зомбированных бандерлогов, запланированных «золотым миллиардом» на принесение в жертву, потакая. Тут необходима истинная праведность, Божье слово и доброта.

Повзрослев и физически окрепнув, всё лето проводил в совхозе, зарабатывая деньги для семьи. Так что никакого всесоюзного пионерского лагеря «Артек» и прочих в глаза не видел. Сначала на току работал. Работа не простой была. Стоишь и на жаре весь день зерно к сортировкам подкидываешь широкой деревянной лопатой.

Кто из вас заявит мне, что на коньках тяжелее тазом вилять, чем весь день лопатой зерно перебрасывать? Такое только полностью потерявшие связь с реальностью люди могут бездумно декларировать. Потом я стал помощником комбайнера. Так что именно я кормил эту продажную сволочь, которую теперь в пример духовно нищей и оболваненной молодежи ставят. Начиная с сентября месяца, старшие и средние классы нашей школы, и не только нашей, отправлялись на помощь окрестным колхозам и совхозам, собирая на полях картофель и затаривая его в бурты. По весне картофель приходилось нам же извлекать из буртов, перебирать и готовить к посадке.

Картошку под холодным дождем, в липкой, «бурой, вязкой, вонючей» – по верным словам А. П. Чехова, грязи, собирать, это не дорогой клюшкой махать бесцельно, не пинать несчастный мячик, не на коньках импортных тазовёртничать. И еще они смеют пиццать о «великом труде спортсменов»! Слов цензурных не хватает ответить на грязь, которой они поливают честных тружеников земли русской! Это более липкая и противная нравственная грязь, чем та, в которой лежал собираемый нами «второй хлеб». Ты в поле поработай, трутень, а потом будешь про «великий труд» пасть оцереченную свою разевать, за бюджетные деньги белыми металлокерамическими зубами оснащенную. Клюшкой махать ума особого не надо. За примерами далеко ходить не надо, примеры у всех на слуху.

Ещё по осени совхоз детей деревенских, в частном порядке, нанимал жечь неубранный лён. Сейчас в это трудно поверить, но в тот худой период на наших землях и лён, и гречиха росли, а не только бурьян, опиный мак и конопля, как ныне. И вот идёшь и сжигаешь перепутанный двухметровый лён, так как совхоз не успевает его убирать, а под снег его нельзя оставить, иначе потом весной не разработаешь землю. Зато масло льняное своё было, и семя льняное, чтобы заварить с лечебными целями, не надо было в магазинах искать. Правда, полотно изготавливать льняное уже тогда мало кто мог. Как, впрочем, и крапивное. Геронтоцид русского народа давал уже свои мрачные уродливые плоды. Но есть у меня, от бабушки Дуни покойной остался, уникальный, собственноручно сотканный ею ковер. Три оленя на нем вытканы. Возил я ей, доброй старушке, при возможности, с какой-нибудь okazji и лён и шерсть с овец наших, а она ткала.

Кстати, в семейном фольклоре сохранилось предание как жадный старший сын (и по совместительству мой папаша) Витя поссорился с сестрой Ниной из-за ковра, сотканного бабушкой Дуней. Семья наша в деревне Пеклихлебы жила, и хитрый потомок скифов, ковров безмерно алчущий, забрал причитающийся родной сестре ковер, у бабушки тогда уже живущей в деревне Толма. Полгода не разговаривали сестра с братом после этого инцидента. Да, та еще семейка была. В семье было пять детей, по старшинству: Рая, Нина, Виктор,

²⁰ См. рассказ «Жареной свинье в зубы не глядят».

Галина, Леник. И с самого детства между собой они не ладили. Всё пытались отжать друг у друга кусок пожирнее. В то время люди в деревнях небогато жили, хотя и честнее и праведнее нынешних, поэтому жирных кусков в семье хватало не всем. Как правило, постоянно «одеяло перетягивал» на себя выжига и хитрый жох Виктор. Впрочем, рассказ про этого вороватого, аморального, нравственно нечистоплотного и хитрого, но одновременно глупого персонажа, человека и контрацептива, ожидает вас далее. У матери нашей в семье тоже пять детей было (опять по старшинству привожу): Николай, она, Петр, Елена (потом погибла), Владимир (погиб в восемнадцатилетнем возрасте при невыясненных обстоятельствах на охоте).

Помимо осеннего сжигания льна, и наоборот, случалось нам по весне горящую траву тушить. Форменные дебилы, кои, признаться, и тогда нередко встречались в многострадальном русском народе, хотя и не в таких критических количествах, почему-то считают, что если весной сжигать сухую траву, то это принесет немалую пользу Природе Родины. Что при этом возникают пожары, гибнут насекомые и мелкие животные с птицами, повреждается верхний корневой слой почвы – про то им неведомо.

Однажды тушили мы такой пожар – сами чуть не сгорели. Слава Господу, что дождь сильный пошел – потушил всё. Иначе бы лес загорелся, что принесло бы бедствия неисчерпаемые многим Божьим тварям. Помню, когда, наконец, одного похабного придурка-поджигателя мы поймали, то после выслушивания его позиции о: «Полезности низового пала для роста травы», не стали разводить долгой дискуссии, а сожгли все волосы на его мерзком теле. Дабы наглядно доказать этому нечестивцу, что пользы это действие никакой не приносит. Как же он орал тогда! Верещал, как несчастный заяц в когтях у ворона.

Так эта скотина мячеглотная потом побежала в милицию жаловаться на нас! Ну не тварь ли дрожащая? Он бы еще на телевиденье побежал жаловаться или в «Поле чудес» Леониду Аркадьевичу Якубовичу написал. Нет, чтобы спасибо за науку жизненную сказать – побежал жаловаться. Правильно Батька Лукашенко в братской Беларуси таких моральных уродов сажает! Нужно, нужно приговаривать таких паразитов к пожизненному заключению с принудительными работами по тушению пожаров и озеленению гарей. С обязательным чтением произведений Виталия Бианки вслух! Хотя, многие из них и читать не умеют. Только считают деньги, отжимаемые у пенсионеров, инвалидов и сирот, горазды.

У нас девочки возраста юркой эпопкононьковёртки уже коров доили во всю силу своих неслабых рук. И поведением были благочинные, в ложный морок Америки, афро – и латиноамериканцев обижаящей, не рвались. И катков в Сочи на народные деньги с завышением сметы на триста процентов строить не требовали. И о квартирах на халяву даже мечтать стыдились – знали, что это проститутток валютных удел, а не честных людей труда праведного. Им такое бы даже в голову никогда не пришло.

Что такое коров доить я, в отличие от большинства из вас, прекрасно представляю. И мне их случилось доить после ухода матери. У нас тогда четыре коровы было, и пока подлая городская кочерыжка Наташа не научилась тонкому искусству дойки, доить их приходилось мне. Чувствуется, городская гниль – даже корову не в состоянии подоить она была. Какой из неё толк может выйти? Не даром же спортсменкой была – то ли волейболисткой, то ли баскетболисткой, то ли еще какой-то «-исткой». Точно помню, что не фигуристкой, не дзюдоисткой и не копьемёткой. Паразитка комлевая. С рождения крайне циничное, растленное и злобное существо. Та еще продувная бестия, решительно настроенная на личное обогащение за счет окружающих. Социальных паразитов не сеют, не пахнут – они сами посредством промысла дьявольского зарождаются и стремятся вытеснить нормальных людей аки кукушата, алчные клювы разевающие. Работать не хотят, а жрут в три горла.

Поработала благодетельница Наташа примерно с год или чуть больше того на бывшем месте нашей матери и свалила из бухгалтерии, напрочь разругавшись с матерью моего детского

друга Андрюхи – главным бухгалтером совхоза Верой Андреевной и подругой матери Зиной. Стала редкой в ту пору домохозяйкой. Тогда о существовании неработающих домохозяек русский народ только из транслируемых по телевизору сериалов типа бесконечной «Санта-Барбары» знал. Заодно, выжига Наташа широко приторговывала плодами нашего труда. Я масло сливочное сбивал и сыр со сметаной делал, простоквашу, сливки и творог. Она все это оптом передавала родителям в Смальцо и Зельма Карловна продукты продавала. Понятное дело, что никаких денег после этих сделок купли-продажи мы не видели.

– И в кармане бабло, и с души слегло, – как говорила Наташа.

Я вообще с искренним удивлением узнал о существовании «карманных денег» у детей только через несколько лет после этого. Как-то повезли нас из школы в райцентр проходить комиссию в военкомате. Туда довели, а назад своим ходом. Мне пришлось на попутках добираться – денег на рейсовый автобус не было.

Потом «королева грошовых интересов» Наташа, понемногу передувив, проредила поголовье индюков, этих милых и отзывчивых птиц, певших со мной «а капелла» и скормила жадной ораве своих ненасытных родственников. Затем и курей с утками постигла эта неотвратимая как Рок судьба, но это было позже. Таким уж была Наташа существом – даже птицам не могла простить робких попыток сопротивления.

II

«И эти люди учат меня не ковыряться в носу?»

Став законной супругой простодырого телепня Вити и полноценной хозяйкой в доме, пергидролевая шишига развернула настоящий террор против нас с Пашкой. Для начала категорически потребовала:

– Будете называть меня милостивой матушкой и нашей благодетельницей, Понятно, дебилы?

– Вы в попадьи метите? – поинтересовался я после выслушивания этого помпезного бреда. – И не дебилы мы вовсе.

– При чем тут попадьа? – занудным голосом приоткрыла свое искаженное представление сельской жизни. – Благовоспитанные деревенские дети именно так должны называть матерей. Если они не дебилы, конечно. К вам, дебилам, это, как вижу, не относится.

– Мы не дебилы!

– Значит, вы УО, не способные понять, что являетесь дебилами!

– Почему это мы дебилы?

– Понятно почему, уродились вы такими. Мамаша ваша была чокнутой по всей пустой башке и вы такие же. Витя, твои дети просто-напросто отъявленные недоумки.

– Странная парадигма совершенно не совместимая с реальностью. Тетя Наташа, при всем моем уважении, вы всё-таки матерью нам не являетесь. Как мы можем называть вас матушкой? – вполне резонно возразил я, пытаюсь призвать на помощь логику.

Откуда мне тогда было знать, что подобным существам, порожденным Мировым Злом, логика совершенно чужда? Мои слова были немедленно восприняты истеричной Наташей как *casus belli*²¹.

– Ах ты, навозник сраный, баран тупорогий! Ты меня еще учить будешь? При маме рот боялись открыть, а тут осмелели, змееныши! Я тебя по полу, как дерьмо, размажу! Распустила я вас!

– Почему это мы змееныши?

– Ты шибко умным стал, чмо пелопонесское?

– Вы хотели сказать лохнесское? – не понял я отсылку к Греции. – В смысле, как чудовище с Лох-Несса?

– Если пойдешь сдавать органы, пожалей народ, мозг оставь при себе!

– Вы знаете, что такое мозг?

– Чтоб ты усрался и бумаги не было рядом!

– Спасибо, и вам того же.

– Витя, эта тварь издевается надо мной!!! – завизжала Наташа и стала скакать по прихожей как большая царевна-лягушка, гоняющаяся за Иваном-царевичем. – Он угробить меня хочет!!! Витя-я-я-я!!!

– СтаршОй, ты чего хамишь? – подал голос папаша, по лику которого было понятно, что он уже запутался в моей территориальной принадлежности: Греция или Шотландия.

– Да ничего я не хамлю. Я культурно разговариваю.

После разгорелся шумный скандал, едва не перешедший к рукоприкладству, и я немедленно стал для неё «врагом общества №1». А уж злопамятности Наташи целая свора бешеных хорьков могла бы позавидовать. Этой попытки сопротивления своей власти мачеха мне так никогда и не простила. Едва до шпицрутенов в нашем воспитании не дошла экстремальная

²¹ Повод к войне (лат.).

педагогическая самоучка. Но и другие методы, применяемые ею в воспитательном процессе, были не многим лучше пресловутых шпицрутенгов, навеки запечатленных классиком русской литературы.

– Еще попомнишь меня, дебил рыжий, – зловещим тоном предупредила мачеха. – Еще очень сильно пожалеешь, это я тебе обещаю.

Я промолчал.

– Витя, чего он смотрит на меня исподлобья?

– Что ты уставился на нее как волчонок? – отреагировал отец. – Давно в зубы не получал?

– Попробуй...

– И ты тоже попомнишь, слепыш, – не обошла своим вниманием Наташа и пугливо выглядывающего из дверного проема Пашку. – Не думай, что как при матери под кроватью отсидишься.

– А я-то при чем? – искренне удивился Пашка. – Меня-то за что? Я же вообще молчал.

– Если будет за что, так вообще придушу и свиньям скормлю!

– Не спорь с тетей Наташей, свинтус неблагодарный! – вновь включился в воспитательный процесс любящий папенька, перестав сверлить меня свирепым бронебойным взглядом. – Весь в мать пошел, такой же тупой и наглый.

– МилАй (так она его называла, с ударением на втором слоге), может еще не поздно его в спецшколу сдать?

– Рано Наташа. Пока рано... – отец стремился поддержать в глазах деревенской общности и районного начальства имидж примерного семьянина. – Давай подождем немного. Годик-другой...

– А со старшим дебилом что делать будем? Как его гнилую сущность исправлять? Его в спецшколу не возьмут.

– Не возьмут в спецшколу, так в колонию отправим, – обнадежил ее супруг. – Там как раз к месту будет.

– Петухом сделают, – проявила недюжинное знание жизни заключенных Наташа. – Там рыжих любят.

– И волосатых, – поддержал папенька, всегда завидующий моим волосам.

– Смотрите, чтобы самим там не оказаться, – ответил я.

– МилАй, этот дебилоид нам угрожает!

– Я не угрожаю, просто напоминаю, что от тюрьмы и сумы зарекаться нельзя.

– Тебя забыли спросить!

Обещание Наташа максимально постаралась сдержать. Например, так как я тогда перманентно ходил босиком из-за отсутствия обуви, то чтобы приучить меня постоянно мыть ноги перед заходом в дом, «наша благодетельница» Наташа щедро посыпала толченное стекло на пол веранды. Пару раз я ноги порезал, и пришлось в лаптях ходить, так как ботинки у нас с юрким отченашером были одни на двоих, и он постоянно в них ходил. Хорошо хоть что щедрый дед Феогнид мне лапти собственноручного плетения «безвозмездно, то есть даром», подогнал.

В зимнюю пору добрая бабушка Дуня валенками своего изготовления выручала, передавая через заезжавшего к ней папашу.

– Вить, свежи детям валенки.

– Да зачем им валенки? Они у нас закаленные! СтаршОй вообще может босиком по снегу ходить! – отмахивался беспечный папаша.

– Да, Вить, правильно Валька говорила, что у тебя за детей душа не болит.

– Не лезьте в мою жизнь! Мы счастливы с Наташей! А дети уже взрослые, им пора уходить из семьи.

– Куда же они пойдут?

– А я откуда знаю? Пускай сами думают, не век же на моей шее сидеть.

– Вить, тебя никто из семьи не гнал!
– А я сам себе жилье нашел.
– Тебе жилье на работе давали.
– Так пускай устраиваются на работу и получают жилье. Я что, против? Главное, чтобы мне жить не мешали. Я их вырастил, воспитал – пора и честь знать.

В школе учителя крайне не любили наши с Пашкой валенки из-за того, что подшитая к ним резина оставляла жирные черные полосы на светлом линолеуме.

– Костромин, носи сменную обувь! Техничка замучилась уже следы от твоих валенок оттирать, – говорила классная руководительница.

– А где я ее возьму? И следы не от валенок, а от галош.

– Не умничай, а то сам будешь пол мыть. У тебя разве нет сменной обуви?

– Нет.

– Не ври! Я позвоню отцу и спрошу.

– Звоните.

– Вот прямо при тебе и позвоню, чтобы не обманывал впредь. Пошли в учительскую.

Мы спустились на первый этаж, и зашли в учительскую.

– Какой у отца рабочий номер?

Я назвал номер, она набрала.

– Здравствуйте. Виктор Владимирович? Это вас беспокоит классный руководитель вашего сына, Наталья Ивановна.

– И что? – донесся из трубки грозный рык папаши. – Что этот урод натворил в этот раз? Школу поджег?

– Нет, ничего особо не натворил, просто не носит сменную обувь.

– Какую еще сменную обувь?

– Понимаете, он ходит в школу в валенках...

– Не босиком же ему ходить?

– Нет, не босиком, но от валенок на линолеуме остаются черные полосы.

– А я тут при чем?

– Повлияйте на ребенка, чтобы носил сменную обувь.

– Какую еще сменную обувь? Где он возьмет сменную обувь?

– У него нет сменной обуви? – не поверила Наталья Ивановна.

– А вы ему купили ее? – донесся из трубки полный неприкрытого ехидства голос папаши.

– Я-то тут при чем?

– Вот и я не при чем! У вас еще что-то есть ко мне? А то мне пора совещание проводить.

Работа не ждет.

– Нет.

– Ну, спасибо, что позвонили. Если что, то всегда можете мною располагать. Навозу там или еще чего. Звоните, не стесняйтесь, – положил трубку.

– Я же вам говорил, – прервал я повисшую в учительской тишину.

– Дикость какая-то! У детей директора не самого бедного в районе совхоза нет обуви сменной! Кому скажи – не поверят.

– Так я пойду?

– Иди. Ходи в валенках. Я директору и завучу сама скажу, что разрешила.

Зато Настя щеголяла в школе невиданными нарядами и блестела бижутерией как новогодняя елка в Кремле.

После того, как я, будучи еще довольно наивным юношей, великодушно обучил матушку Наташу доить коров, она заявила:

– Четыре коровы это многовато для нашей скромной семьи. Витя, милАй, надо что-то делать!

– А что делать, милая? – недоуменно почесал блестящую от пота лысину папа Витя. – Что тут сделаешь?

– Витя, я подумаю и все тебе скажу, что делать, – внушительно заявила Наташа.

– Надо уменьшать! – как отрезала она на следующее утро.

– Что уменьшать?

– Коров поголовье уменьшать. Что тут непонятного? Ты как тот есаул, который бросил в коня.

Следствием этого судьбоносного для поголовья нашего скота решения была сдача одной коровы и одной тёлки в райцентр на мясокомбинат, где они были по бартеру обменены на полукопченую колбасу. Колбаса по отлаженной схеме была передана родителям в Смальцо на реализацию. Тогда там строили крупнейший в области католический костёл. Возле костёла хитрая Зельма Карловна продала колбасу с немалой выгодой для своего семейного бюджета. Наш же семейный бюджет при Наташе стал совершенно не транспарентным.

Заодно предприимчивая Наташа не забывала творогом, сыром и маслом моего производства торговать. Нам оставалась с молока лишь сыворотка. И то в лучшем случае, если хозяйственная «благодетельница» её свиньям не скармливала.

– От свиней больше толку, чем от вас, – приговаривала она. – Свиней хоть на мясо можно сдать, а вы только жрете и гадите.

Свинина в те годы нарасхват шла, об африканской чуме свиней еще никто и слыхом не слыхивал. Несытое было в городах и весях российских время при дешевой нефти. Между прочим, «крутой мачо» Витя при всей своей извращенно подлой сути свиней резать панически боялся. То ли корни еврейские сказывались, то ли комплексы детские мучили. Сначала призывал он Кольку Лобана, то еще кого-нибудь, вроде Моргуна, резать милых и доверчивых животных, мясо которых вовсе не зря две мировые религии кушать воспрещают. По традиции резчику приходилось наливать и согласно установленной «таксе» давать часть мяса и уши убиенной свиньи. Если матерый мясоед потерю свиных ушей переносил вполне безболезненно, так как из брезгливости их не ел, то тратить спиртное скряге казалось непозволительной роскошью.

А вот вульгарной горожанке Наташе свиные уши неожиданно понравились. Поэтому, умело подзуживаемый супругой, храбрый Витя однажды решил кабана завалить собственноручно.

– Ладно, Наташ, я сам кабана завалю! – экий Аника-воин выискался, причем с апломбом Георгия-Победоносца, попирающего змея. – Никого не будем звать в этот раз.

– И правильно Витя. Нечего всякий сброд сюда таскать, а то того и гляди сопрут что-нибудь или подожгут. Ты и сам в состоянии такую мелочь сделать, – похвалила Наташа.

– Учись, никчема, пока я живой! – поставил во дворе деревянное корыто, положил туда месиво и скомандовал. – Выпускай кабана!

Я выпустил ничего не подозревающего свина из хлева. Кабан, обреченный на заклание, неторопливо ел, а Вильгельм Телль местного разлива через штaketный забор тщательно выцеливал его голову из ружья. Как в цирке звучит барабанная дробь. Алле оп! Выстрел! «Жакан» двенадцатого калибра штука жутко убойная. Пуля пробила корыто и прошла несчастного кабана насквозь. Ее пластмассовый стабилизатор застрял в копыте задней ноги кабана.

– Видал, как я его завалил!? – гордый подвигом снайпер признал опыт удачным, но корыта ему было жалко. – Это тебе не по груше стучать. Мой карамультук, как у охотника Джуря, разит без промаха! Я ужас – летящий на крыльях ночи!

– Сейчас день...

– Да какая разница? День, ночь, как говорится, сутки прочь. Главное, что зло повержено!

– А я думал, что это кабан, а это оказывается зло...

– Зло изменчиво и многолико. Сам подумай, почему мусульмане и евреи свиней не едят? А?

– Из-за паразитов.

– Больно умный стал – убивать пора. А как Иисус демонов в стадо свиней заточил, забыл?

– Ты-то откуда про это знаешь? – изумился я. – Ты же Библию не читал.

– Знаю, – замялся он.

И тут я внезапно понял. Просмотр мультфильма «Супер-книга» не прошел для папеньки даром. Что-то да отложилось в его порядком изъеденных партийной молью и пропитанных алкоголем мозгах.

– Вот только что теперь с корытом делать?

– Слышь, старшОй, вот ты тут не умничай, а займись после разделки кабана ремонтом корыта. Будешь на будущее знать, как учить отца детей делать.

Учтя предыдущий «экспириенс» следующую свинью он «валил» уже зарядом картечи. Ну что сказать? Воистину, как написано у классика: «Горе от ума». Прав был Ленин, говоря насчет двух высших образований премудрого папы:

– Учился Витя – дурак, учился, да и заучился.

Ему, знавшему старшего брата с самого детства, было виднее. Скажу вкратце людям далеким от стрельбы картечью, что когда из головы этой невинно убиенной свиньи мы сварили холодец, то при его поедании периодически приходилось свинец выплевывать.

– Витя, надо выбросить паласы, – однажды заявила Наташа за обедом.

– Зачем? – как электромельница перемалывая челюстями пищу, поинтересовался папаша.

– Это пошло! Сейчас уже их никто не использует.

– А по чему тогда ходить? – от изумления даже на некоторое время прекратил жевать. – По голому полу?

– Тапки тебе купим, а то ты как чмо пекинское какое-то. Директор совхоза и без тапок.

– Это да, – почесал крупную голову. – Как я сам не подумал, что по должности надо в тапках ходить. А с паласами что?

– Холопам поручи, пускай вынесут во двор и сожгут.

– Может в гараж взять? Постелю на полу, – начал прикидывать прижимистый папаша. – Или можно стелек нарезать.

– Куда тебе столько стелек? Из этой мерзости, оставшейся от «бывшей»? Сам же говорил, что она в колдовство верила – может сглаз какой на эти паласы наложила? Нет, только сжечь.

– СтаршОй, займись после еды, – выдал поручение отец. – Вынесите с Пашкой все паласы за погреб и сожгите.

До самого вечера в саду, за туалетом, жгли мы паласы, дававшие море густого, вонючего дыма.

– Дым, дым, я сала не ем, – пытался Пашка по детскому обычаю спастись от дыма.

– Перейди ты на другую сторону.

Он перешел, и дым потянулся следом.

– Дым, дым, я масла не ем, – вновь начал приговаривать брат, приплясывая.

– Не помогает это, мы так делали в детстве, – поделился я нажитым опытом. – Брехня это все.

– Поможет, дым, дым, я не курю, сала не ем, масла не ем, – усиленной формулой попытался бороться с дымом брат и закашлялся.

– Говорил же, – отшатнувшись от густого вонючего клуба дыма, позлорадствовал я.

– Еще раз попробую, – отдышавшись, упорствовал Пашка. – Дым, дым, я не курю, сала не ем, масла не ем.

– Сало не ешь? Лопаешь за обе щеки, за уши не оттянешь! – возмутилась незаметно подошедшая мачеха. – Брехло ты малолетнее!

– Это просто от дыма так говорить надо, – обиженно огрызнулся Пашка. – Чтобы дым не летел на тебя.

– Психушка по тебе плачет, Павел Викторович, – отреагировала Наташа, открывая дверь туалета. – Отойдите подальше, хмыри болотные, дайте поспать спокойно, извращенцы малолетние.

Отец Наташи, тот еще старый скряга и держиморда, на Ельцина Бориса Николаевича внешне очень похожий, и выпить, как и первый Президент России, не дурак на халяву. Приехав, начал внедрять на наших почвах топинамбур, заполонив форменной заразой не одно хорошее совхозное поле.

– Хрущев хотел всю Россиюшку им засадить, – выпив, объяснял новый дедушка.

– Хрущев амарантом хотел, – возразил я почерпнутым из газеты «Сад-Огород».

– Да что ты понимаешь?

– В газете так написано. Могу принести и показать.

– То в газете, а мне Хрущев сам лично говорил! Кому веры больше?

– Газете.

– А вы Хрущева видели живого? – наострил уши Пашка.

– Вот как тебя.

– Угу. Помнится, отец тоже с Гагариным общался, – напомнил я²².

– Точно, – погрустнел брат. – И книжку Гайдар ему свою подарил²³.

При этом по примеру неистового работяги Вити, оформленного на полставки электриком, хитрый дед умудрился оформиться в совхозе на полставки агрономом и получать за это вполне законную зарплату.

– Еще и на пенсии могу Родине послужить, – приговаривал он.

– Конечно папа. Еще и какую пользу, – поддакивала Наташа. – Только ты можешь вытянуть этот колхоз из ямы.

– У нас совхоз, а не колхоз, – вежливо поправил дотошный Пашка.

– Разница между колхозом и совхозом только вам, замшелым колхозникам и понятна. Нам, городской богеме, совершенно без разницы, где вы навоз выгребаете, в колхозах или совхозах. Понял, УО? – срезала его мачеха.

– Понимаю! – поддакнул довольный дед. – Топинамбур это второй хлеб! Навроде кукурузы, только полезнее.

– Папа, да что ты мечешь апельсины перед свиньями? Они же кроме навоза и онанизма и не знают ничего!

– А ведь я могу ссудить денег в долг, на приобретение семенного материала, – важно краснел надутым лицом Борис Николаевич. – И под вполне разумный процент.

– Я подумаю, – был вынужден вежливо ответить папаша.

– Думай, Витек-зятек, думай. Можем хороший гешефт к взаимной пользе поиметь. И тебе хорошо будет, и мне старичишке на молочишко останется.

Потом престарелый пенёк тайно выкопал и перевез к себе ремонтантную ежевику, еще при матери привезенную Филипповичем.

– Слышь, куда-то ежевика пропала, – обратил я внимание отца, с важным видом шагающего вокруг подвала.

²² См рассказ «Космос»

²³ См. рассказ «Вересковый мед».

– Куда пропала? Какая ежевика? – с усилием тяжелоатлета поднял на меня задумчивый взор.

– Та, что на подвале и возле забора росла. А куда пропала, я не знаю.

– Странно. А что у нас там ежевика росла?

– Да, а ты не помнишь разве? Еще просил с похмелья тебе нарвать как-то.

– Просил, но я не думал, что ты у нас ее нарвал. Думал, может, в саду где-то растет.

– В каком саду? Филиппович же нам привозил! Вспомни.

– Мало ли... Может бывшая в секту свою выкопала и отнесла. Я что, за ежевикой слежу? Дел у меня других нет? Я может. О борьбе со злом думаю, – таинственно прошептал. – И вообще, займись лучше делом, а не глупые вопросы задавай. Джунгли зовут²⁴! – прокричав, кинулся куда-то в сад.

Между прочим, звали деда Борисом. А вот насчет отчества уже не уверен за давностью лет. Пускай будет Николаевич – ход дальнейших событий от этого совершенно не изменится, а читателям будет легче запомнить.

Леонида Филипповича вельми мстительная мачеха со временем отвадила от нашего ставшего беспутным порога.

– МилАй, когда я работала у него в цеху, он меня домогался! – заявила Наташа – Он же бабник натуральный! Полгорода к себе на дачу перевозил! У нас приличная семья и таким гулящим друзьям тут не место!

– Наташа, но он же Пашкин крестный, – начал мямлить в защиту кума, собутыльника и товарища по амурным похождениям, папенька. – Да и на заводе я через него все дела решаю.

– Витя, кто тебе дороже? Он или я? – привела убойный аргумент пышнозадая супруга.

– Ты, – вынужден был сделать очередной выбор Витя.

– А дела на заводе ты можешь и без него порешать. Зачем тебе посредник?

– Могу?

– Конечно же, можешь. Я тебе дам телефончик человека, он все сделает.

Своей гнусной и бесстыдной ложью Филипповича практически изжила из уже не дружной нашей семьи. Вот же потаскушка брехливая, грязная клеветница и гнусная инсинуаторша! А уж как нам расписывала сексуальные подробности якобы имевших место домогательств – даже записной деревенский пошляк Витя краснел, слушая.

Сестры у нее были спортсменками бывшими. Та, что из Москвы, покойная толстомясая Светка, крашенная в блондинку, – баскетболисткой. А та, что из Мурманска, длинноногая брюнетка Лена – легкоатлеткой.

Постепенно осень подкралась, незаметно за изнурительными прополками да беспричинными громкими скандалами, и сестра сводная – анемичная Анастасия Валерьяновна к нам жить переехала. Стала в Алешенскую школу, в один класс с пришибленным судьбой Пашкой ходить. Учителя нам с Пашкой сочувствовали, так как раньше в округе не случалось, чтобы дети жили с мачехой, да еще и городской. Нравы были строгие, еще сохранялась в деревенской глуши советская нравственная закваска.

В то время во всём Добровском районе лишь в семье председателя одного из колхозов, между прочим, друга и бывшего одноклассника папаша, Московитина жила мачеха с двумя детьми. Но там, в отличие от нашей злосчастной семьи, мачеха стала настоящей матерью приемным детям. И там отец детей из дому не гнал и никому бы не позволил такое сделать. Получается, что не всегда верна старая восточная мудрость: «Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты». В таких случаях всё или почти всё зависит от мужчины. Если он будет мозгом думать, то всем в новообразовавшейся семье будет хорошо: и новой жене и родным детям. А если будет,

²⁴ Девиз из детской передачи «Зов джунглей» https://ru.wikipedia.org/wiki/Зов_джунглей

как папа, думать только неистовым удом своим, то получится в итоге, так как получилось. Или даже хуже, ибо нет такой ситуации, которая не могла бы ухудшиться. Для любителей выявлять скрытые от большинства связи могу сказать, что Москвитин был председателем того самого колхоза «Путь Ильича» в деревне Пеклихлебы. Видите, как тесно все было перепутано там?

После отчуждения Леонида Филипповича «матушка и наша благодетельница» поэтапно, постепенно, последовательно, и неотвратимо как ураган «Катрина», принялась за изживание нашей двоюродной сестры Ларисы Свечкиной.

Тут последует небольшое лирическое отступление, весьма полезное для тех, кто еще не читал сборник «Наследники Мишки Квакина. Том I». Лариска была дочкой старшей сестры папеньки, обделенной ковром, Нины. Истинное «дитя асфальта», на полгода старше меня, Лариска имела привычку проводить лето у нас. Хотя это не спасло её от ряда дурных привычек и аморальных поступков позднее ею совершенных. Видимо, слишком кратким было погружение в простую чистоту строгой деревенской культуры. Не могло лето, проведенное с нами, выбить из человека всю неисчерпаемую внутреннюю гниль, обусловленную проживанием в городе. Да и гниlostное безумие новоиспеченной родственницы Наташи, с которым поневоле соприкоснулась Лариска, тоже заметно отравило ее жизнь.

Жизнь в провинциальном городе, где нет метро, не сахар. Тем более в общежитии карандашной фабрики, с общей кухней и одним туалетом и умывальником на весь этаж. У них там было две с половиной комнаты. То есть комната ее с матерью и комната покойного отца – Васи, с которым тетя Нина разошлась. Комнаты были расположены напротив друг друга, в конце коридора, поэтому они выгородили пространство между комнат и поставили дверь. Там стол обеденный и холодильник. Получилось типа импровизированной столовой по-советски. Почему-то это помещение они называли, прошу прощения, «курхуятником». А перед этой дверью, с внешней стороны коридора, стоял большой и тяжелый деревянный ящик с двумя навесными замками для хранения картофеля.

Однажды Лариска прислала письмо такого содержания: «Хотела прислать вам две жвачки, но их украли. Поэтому присылаю вам вкладыши от них». Там они и жили, плетя многоходовые интриги против соседей и пытаясь защититься от ответных ударов. Вот сестра к нам и приезжала морально отдохнуть от гнетущей атмосферы коммуналки, в которой даже живущие тараканы становились лишь хрустящими трупами под ногами людей, вынужденных сожительствовать в этих условиях. У нас хоть в суп не плевали, во всяком случае, до появления мачехи никто в этом замечен не был. Да и супа у нас, как правило, не варили.

Когда Лариска подросла, то приезжая в деревню, крутила беспутные романы с местными «парубками», ходила на дискотеки в клуб. Была она особой ветреной, а тетя Нина держала дочку в «ежовых рукавицах». Даже ее последний бывший муж²⁵ и тот познакомился с ней у нас в деревне на дискотеке. Впрочем, об этом речь пойдет позже. Не будем забегать вперед.

Расчетливая экономистка Наташа, которой самое место было не в деревне, а на Гайдаровском форуме, вооружившись украденным из бухгалтерии калькулятором, подсчитала, что нам дорого обходится прокорм и проживание Лариски в течение всего лета.

– МилАй, мы не можем себе этого позволить. Это слишком обременительно. Нам еще Толика с Женькой надо где-то селить. Тут и так не протолкнешься в вашей халупе.

– Наташ, но это же племянница... Нинка обидится, да и мать будет недовольна.

– Вот и пускай к бабке ездит в деревню, помогает по хозяйству. Нечего тут жопой крутить.

– Как-то не поймут...

²⁵ Более известный как Игорь «Сухостой». Брат того самого Володьки из рассказа «Дядя Степа, милиционер».

– А что я должна сказать Лене? Что на фоне этого «щедрого жеста» дяди Вити не хватает места для племянника и племянницы, Толика и Женьки? Да? Дети весь год живут на крайнем севере, а ты хочешь их и лета лишить?

– Кто? Я? Да пускай приезжают на здоровье! Я же только за!

Два растущих северных организма опустошали запасы съестного подобно лесному верховому пожару. Даже двум пожарам подобно. Воистину, говорю я вам, поедали немыслимое количество харчей. В Мурманске – городе северном, такого харча не было.

Отец у Толика с Женькой на удивление нормальным человеком оказался. Особенно на фоне всего этого не святого вертепа. Александром звали. Он на подводной лодке тогда служил, но планировал вскоре выйти на пенсию и пойти служить в ФАПСИ. Были у него на эту тему какие-то предварительные договоренности. Сам белорус, может, поэтому и нормальный был? Но вероломная родственница Наташа его сильно не любила и постоянно старалась какую-нибудь пакость и/или подлость подстроить, когда он у нас бывал. Часто слабительное ему в порцию подсыпала, пытаясь поносом известить человека. А потом говорила, что это у него от воды нашей такое сильное расстройство желудка. Врожденная подлость никогда из человека не уходит. Только после смерти и очистительного адского пламени. Кстати, когда сестра её – Светка в Москве умерла²⁶, то мачеха видела её во сне в образе вороны угольно-черной.

Сестра мачехи – Света, не подарок была. Особенно для нашей раздираемой внутренними противоречиями и алчными родственниками семьи. Болезненный ребенок Пашка лежал в Детской Республиканской больнице в Москве. Отвезить его поехали всей семьей, за исключением меня, оставленного на хозяйстве. Пока «папа, мама, я» катались по столице, я времени зря не терял и подключил к японскому телевизору микрокомпьютер «Мастер» когда-то подаренный нам погибшей сестрой матери тетей Леной. Он остался у нас после того как она с детьми пару месяцев от бешеного мужа у нас в Горовке скрывалась²⁷.

– Вот вам подарок, племянники, – уезжая, дала коробку с клавиатурой и парой джойстиков.

Папаша возил диковину в райцентр, но телемастера присобачить к иностранному телевизору ее не смогли, и компьютер так и пылился на шифоньере в Пашкиной комнате. А я, оставшись без надзора, посидел вечерок с паяльником и соединил с телевизором. Потом Пашка много времени уделял этой штуке, создавая простенькие программки и по-детски радуясь успехам.

– Видишь, какая тетя была хорошая? А ты у нее сережки украл, – стыдил я.

– Я же не знал. Компьютер лучше, чем сережки.

Его выписали, а приехать за ним сразу не могли, поэтому он жил у тети Светы. И великодушная тетя гнобила его там от всей широты души, скрывающейся в ее полнокровном упитанном теле. Выгоняла по полночи на лестнице сидеть зимой, пока, трясая осветленными волосами, страстно совокуплялась с любимым татаринком Валерой. Не кормила толком, хотя и деньги на прокорм и продукты для Пашки были щедро выделены. Бог ей теперь судья. Но, справедливости ради, стоит заметить, что и родная тетя Галя, в Москве проживающая, тоже ни разу не навестила племянника.

Когда я впервые попал в столицу нашей Родины – Москву, то больше всего меня поразила московский метрополитен. Я на эскалаторе катался до тех пор вверх-вниз, пока у меня каблук на ботинке не оторвало, и работники метрополитена совместно с сотрудниками милиции не сняли меня с эскалатора. И я понял, что: «Город это страшная сила!» задолго до любимого простым народом бессмертного Балабановского творения. Но город сила лишь для сла-

²⁶ 27.05.1999 года случилось это знаменательное для занимательной паразитологии событие.

²⁷ См рассказ «Сережки»

бых душ, а для тех с кем Бог, никакой город не страшен, даже нынешняя густо проросшая различными бесами Москва.

Несчастный деревенский обормот Пашка потом вспоминал, как украл у кого-то в больничном холодильнике йогурт.

– Ничего вкуснее в жизни не ел, – едва не давясь слюной, говорил.

Йогуртов тогда и правда в русских деревнях не было, и мы практически не знали что это такое. Я только читал, в книге «Дожить до 180 лет», что в Болгарии что-то такое существует. Хотя, я не уверен, что и сейчас йогурты в вымирающих русских деревнях есть. А если и есть, то не уверен, что они полезны, но твёрдо уверен в том, что они не по карману большинству полунищего сельского населения.

– А на что он похож, йогурт этот? – благоговейно расспрашивали Пашку любопытные дети.

– Такой как сметана, только йогур, – важно отвечал, как всегда по привычке перепутав название. Брат вообще был великим путаником. Например, подберезовики называл подбородниками. – Розовый такой и жидкий. Вкусно!

Еще впечатленный яркой столичной жизнью деревенский карапуз Пашка рассказывал, как совместно с другими голодными детьми из российских регионов, воровал сосиски у «буржуев»:

– Я стоял на шухере, пока они воровали. А потом, когда мы делили сосиски, то мне дали кожуру от них. Вкусно! Если еще в йогур макать бы...

Привез из больницы черную футболку с зеленым четырехконцовым крестом в центре и надписью «Благовест» – подарок какого-то благотворительного общества, которых тогда расплодилось сверх меры. Потом подаренная футболка ему очень пригодилась. Также предметом его гордости были несколько глянцевого журналов с ранее невиданными в наших местах комиксами. Позже он кому-то из сверстников выгодно сбавил эти журналы.

Впрочем, в случае с кражей из холодильника мелкий шельмец Пашка был лишь генетическим продолжателем нечестивого дела взрослого паскудника, ибо была у ненасытного проглотта Вити, помимо явно заметной ползучести, такая привычка, как инспектировать холодильники чужие. Как только попадал ненасытный прожор Витя к кому-нибудь в дом/квартиру, так первым делом под любым предлогом незаметно проникал на кухню и похищал что-нибудь съедобное из холодильника. Часто, прямо там, на кухне, и пожирал алчно нечестивую добычу свою.

Если не получалось украденное схарчить сразу, то просился с украденными продуктами в туалет, где и тешил неистово ненасытную утробу. Даже при поездках к родителям мачехи и то умудрялся воровать харчи. А уж если попадал туда с ночевкой... так же и когда к бабушке Дуне ездил. Та знала паскудную привычку и ставила в холодильник (или в сени) испортившиеся продукты, которые нужно было бы выбросить, но рука не поднималась. Так же поступала и тетя Нина – не жалела для любимого братца испорченных харчей. А что, этот удав мелкорогий всё схарчить мог, только давайте. Папаша был жлобиной, но тетя Нина его все-же переплюнула.

Грозная мачеха Наталья Борисовна тем временем, после прощания с быстро наскучившей ей совхозной бухгалтерией, став «свободной женщиной Востока», напоследок изрядно полив грязью Веру Андреевну, зажила в свое полное удовольствие на нашем полном довольствии. Это не в городе, на казенном коште, полуголодную жизнь ИТР-а вести. В машиностроении народец не шибко шиковал.

Для декларируемого ею так называемого «духовного роста», но больше от нечего делать, завела Наташа огромную «амбарную» книгу – «РЕЕСТР поступлений, возвратов и выплат...» (форма №25). Несколько таких книг, вместе с калькулятором и графином стя-

нула из бухгалтерии. Обозвала гроссбух «домовой книгой» и начала вести там, в соответствии с заветами В. И. Ульянова (Ленина): «Строгий контроль и учет». Каждую неделю сводила дебет с кредитом: сколько кур, сколько индюков, сколько уток; сколько яиц собрано; сколько дров заготовлено / сожжено и так далее и тому подобное. Вся эта нудная «домостроевщина» перемежалась активными проклятиями в мой адрес и многочисленными пожеланиями разнообразной смерти для меня же.

Немного, правда, и несчастному недотепе Пашке там досталось. То случайно стекло разбил на веранде, за что проклинала его до седьмого колена, то свинью упустил, то ещё что-то подобное по детской неловкости совершил. Но ему доставалось меньше моего.

Одна из этих книг, кстати сказать, уцелела во всех перипетиях, правда, хранится ныне не у меня. Презанятное и крайне поучительное чтение, смею вас заверить. Я иногда, раз в год, читаю и хохочу гомерически от этого исторического документа. Если издать этот «магнум опус», то посмешнее, чем у покойного Михаила Задорнова будет.

– Старший сын совсем debil, а младший еще подает надежды стать человеком, – всем объясняла она. – У одного нога с дефектом, у другого глаза и они оба с дефектом мозгов. Хорошо хоть Витя с «бывшей в употреблении» на первом потренировались, и второй ребенок почти нормальным получился, хотя и убогонький. Но все равно, такой же приживала, как и старший. Никакой пользы от обоих недорослей нет – сами себе злые буратино. Их от тюрьмы спасает только слабоумие.

– А при Вальке вроде дети работали? – сомневались те, кто знал нашу семью раньше.

– И при «б/у» такими же лежебоками были! Если бы не я так и вовсе бы уже завшивели! Жидята, им только «семь сорок» танцевать. Боюсь, как бы мою девочку не испортили. Настенька у меня просто необыкновенная, настоящее чудо! И поет и шьет и готовит и девственница до сих пор!

Еще наладилась белёная хевра каждую неделю ездить в уездный город Смальцо²⁸, к любимым родителям.

– МилАй, я должна навестить маму.

– Конечно, я же понимаю, – покорно соглашался лысый лопух. – Родители это святое. Джек привез из Лондона веселый танец шейк, – начинал нудно петь он.

Нанимала кого-нибудь из деревенских, имеющих машину, доехать до райцентра, если заботливый супруг довезти не мог. А уже оттуда, нагруженная как двугорбый верблюд на Великом шелковом пути, электричкой везла накопленное за неделю добро родителям – персональным пенсионерам.

Возвращаясь от заботливых родителей, предприимчивая доченька с новой силой развивала бурную деятельность по личному обогащению. К примеру, привозила и продавала в деревне, явно краденные, вещи, которые ей сбывали шалавоватые подружки детства. Наладила массовую продажу заячьих шапок. Когда я учился в институте, то такую шапку носил пресловутый продажный футбольный судья Артемка²⁹. Один в один шапка такая у него была! Может быть, тоже в свое время у нашей мачехи прикупил. Даже не знаю, откуда она шапки брала, врать не буду. Ещё новоявленная бизнесвумен занималась перепродажей туалетной бумаги. Тогда в Добровке ее не было в магазинах, а эта прощельга из города привозила и перепродавала втроедорога местному населению, которое озаренное светом «Прожектора перестройки»

²⁸ Когда я учился в институте, то у нас в группе двое студентов из Смальцо были. Один потом оказался пассивным геем, хотя сначала и прикидывался банальным пацифистом. А второй и изначально был, прости Господи, ди-джеем – вроде все и так ясно с ориентацией. И хотя мне могут сказать, что столь малая выборка нерепрезентативна, но, тем не менее, о многом свидетельствует такой набор девиаций жителей этого города. Смальцо, кстати сказать, считался областной столицей наркоманов. Столько наркоманов и больных СПИДом, сколько у них в городе, не было по всей области вместе взятой.

²⁹ См. рассказ «А судьи кто?».

только начинало приобщаться к «демократическим» и «общечеловеческим ценностям». Еще обычно приволакивала несколько бутылок ликера «Амаретто» – для личного потребления.

– Ликер – благородный напиток, – говорила, хватанув перед едой стакан. – Богемное пойло.

– Это да, милая, – провожал папенька жадным взглядом руку любимой женщины.

– Налей и себе, – великодушно разрешала она. – Ты же не совсем быдлан.

Довольный супруг хватал граненый стакан и всклень набухивал ликером.

– Твое здоровье, – не пролив ни капли салютовал поднятым стаканом Наташе и одним плавным движением вливал эту бормотуху в рот. – Как говорится у ляхов, прозрит³⁰!

Счастливые великовозрастные молодожены во главе с пьяным дедом – полуагрономом понабрали в совхозе картофельных и свекольных наделов. Была тогда такая практика в сельском хозяйстве. Берешь в совхозе в обработку картофель и/или свеклу кормовую или бахчевую культуру какую-нибудь и в течение лета обрабатываешь: окучиваешь, пропалываешь и так далее. Потом убираешь взятый надел и сдаешь собранный урожай в совхоз. Часть урожая забираешь в натуральном выражении, а часть, после реализации совхозом урожая, получаешь наличными деньгами.

– Ты должен помогать семье, а не сидеть у нас на шее! – шпыняла меня Наташа.

– А я сижусь?

– Еще как сидишь! Сел и ножки свесил. Живешь как приживала за наш счет. Ни копейки денег не приносишь в семью.

– Можно подумать, тетя Наташа, что вы хоть копейку приносите!

– Не пререкайся, козлиная драный! Тяпку в зубы и в поле, иначе жрать не получишь, пейзажи сраный!

– А повежливее можно?

– Потявкой мне еще, шакаленок! Совсем страх потеряли, навозники! Жалко «бывшая» вас не успела угробить.

– Вам-то она что плохое сделала?

– А то и сделала, что вас не прибила! Уйди с глаз моих долой!

Вот и приходилось всё лето десятками гектаров полоть картофельные и свекольные поля, пока вшивый самоназначенный истеблишмент с племянниками и часто приезжавшими двоюродными братьями «расслаблялся». Когда полот свеклу за кладбищем, на котором в детстве познакомился с кинобудчиком Вовой Клопиком³¹, то от деревни вопли «культурно отдыхающих», возмнивших себя интеллектуальной и финансовой элитой нашего общества, вполне отчетливо доносились до меня, все эти Богомерзкие попсо-голошения их.

Вы не пробовали в жару весь день свеклу или картофель полоть, с утра не поевши? А вы попробуйте, попробуйте, и снизойдет на вас озарение, что тяпкой честно махать – это не мячик лениво попинывать и не клюшкой, за бюджетные деньги купленной, пошло помахать, брачующемуся павиану подражая. Вот где истинный труд праведный, а не в ворота мячик несчастный пинать явным сатаноидам, потерявшим облик человеческий, с харями размалеванными, на потеху.

Шло время, нечестивые амбиции мачехи неудержимо росли. Мало уже было ей быть просто «матушкой и нашей благодетельницей». Все чаще кричала, ставшая на наших натуральных харчах похожей на откормленную гусыню, Наташа:

– Хочу стать столбовой дворянкой! Или кем-то наподобие. Наш род Краснополевых имеет давние славные традиции! Мы достойны занять место в одном ряду с величайшими людьми России!

³⁰ По своей привычке путал слово «прозрит».

³¹ См. рассказы «Кино, вино и Мимино...», «И тишина».

– Конечно, достойны, милая, – соглашался папаша. – Если не мы, то кто же? Нас тут все знают! Нас тут все боятся! Тут все вокруг наше!

– Этого мало!

– При царе крестьянам кашу давали каждый день, – вдруг встрял Пашка.

– Как говорится, заполучи фашист гранату! – немедленно отреагировал почерпнутым у супруги выражением папенька, стремительно щелкая сына по лбу деревянной ложкой. – Кашу ему подавай! Зажрался совсем. Жри картоху ирод, пока есть что есть.

– Ты что, подлец, думал, что будешь кулебяки тут жрать? Вон из-за стола, неблагодарное ничтожество! – отреагировала Наташа. – Витя, никакой культуры в твоих детях нет. Видно, что мать не уделяла их воспитанию никакого внимания. Так что хорошо подумай, нужны ли будущему дворянину такие дети.

– Я подумаю, милая.

– И посмотри, как они зажрались. Картошка уже им не влипает в рыло. Рожна им надо!

Ничему великий русский поэт Пушкин Александр Сергеевич глупых людей не учит. Запаятовала, видать, чем впавшая в амбицию старуха закончила, не сумев обуздать свои непомерные желания. Не снилось ей корыто разрушенное. Хотя и про старуху-процентщицу у Достоевского тоже не мешало бы ей вспомнить.

Дед наш, пасечник Шурик³², приехавший с ульями на гречиху, имел сына ученого. Неудачно как-то я выразился. Не «имел сына ученого», а сын у него был учёным, историком, и был вхож в архивы разного уровня. Историю нашего рода раскопал до XV века. Вот этому ученому сыну было поручено найти корни и мачехино рода и нарисовать генеалогическое древо. Не смотря на то, что прикатила эта «семейка Адамсов» аж из Казахстана.

– Ты, Серег, уж постарайся там. Мы в долгу не останемся. Навозу там надо будет кому или еще что, так обращайся, – щедро сулил в телефонную трубку папенька. – Главное, чтобы корни дворянскими были. Ну, ты понимаешь сам.

Окрыленная перспективами будущая дворянка, Леника, пытающегося открыть глаза брату, стала изживать.

– Вить, у тебя дети голодные ходят, – говорил Леник. – А Наташа твоя больно ушлая – при плите все время и сама сыта и дочку покормит.

– Да чем она там покормит?

– Как чем? Придушит индюка да сготовит. Не дохнут еще индюки то?

– Индюки, – папаша задумчиво почесал лысину. – Несколько штук сдохло, но это же от естественных причин! При чем тут Наташа?

– Голод тому причина.

– Съели и съели. И на здоровье. Они же не обязаны тут голодные сидеть.

– А дети обязаны голодными сидеть?

– Они у нас привыкшие.

– Вить, у тебя свои дети босые ходят, а у Насти шесть пар босоножек.

– Ей Светка старые отдала, – отмахивался беспечный Виктор. – Себе новые купила, а Насти старые.

– Какие старые? Что ты городишь? Они же только появились еще.

– Это у нас только появились, а в Москве уже не модные, – науськанный любимой супругой плешивец твердо стоял на своем. – В Москве мода быстро меняется, это мы в провинции прозябаем.

– Нечего бывшему зеку у нас делать, а то девочку Настю испортит! – включилась Наташа. – Кому она потом порченная будет нужна?

³² См. рассказы «История навеянная медогонкой», «Вересковый мед».

И пьяный дед Борис Николаевич, поднимая мутные как у Вия глаза, безумно поддакивал, грохоча стаканом по столу:

– Понимаш!

– Было бы там что портить... – вставил свои «пять копеек» я.

– Тебя забыли спросить, баран волосатый! Ты вообще в сексе ничего не понимаешь!

Затеяла Наташа пару раз громкие скандалы³³, когда Леник в гостях был и, оскорбленный в лучших чувствах, он перестал к нам ездить.

– Вить, поступай, как знаешь! – в сердцах плюнул Леник. – Но попомни мои слова – добром все это не кончится! Доведет тебя эта жадная стая мелких, ничтожных людишек до зоны. А на зоне таким как ты не жизнь.

– У меня своя голова на плечах, – кричал папаша, воздев над головой руки со сжатыми кулаками и яростно потрясая ими. – Не лезьте в нашу семью! Мы с Наташей счастливы! Ты сначала своих детей заведи, а потом будешь меня учить, как их воспитывать! Наташа им милость сделала, что город бросила и приехала заботиться, а они, твари неблагодарные, еще и недовольны. Они на руках ее должны носить, а они грызутся с ней как собаки за кость!

– Угу, гроб на руках только понесу, – вполголоса пробормотал я. – Вот и вся заслуженная ею благодарность.

– Ты что там сказал? – бешеным крокодилком окрысился на меня папаша.

– Да ничего такого. До свидания сказал Ленику.

– Смотри баран, доиграешься у меня! Еще не знаешь, с кем связался, – опять завелся как заевшая грампластинка на патефоне кокаиниста отец. – Напишу, куда следует! На зону законопачу! Сгною! Весь в мать пошел – такой же дебил! Та только благодаря мне в дурдом не попала!

– Да знаю я уже, с кем связался, – ответил, уходя готовить свиньям. – Мать-то не трогай. А дебилом я могу только в тебя быть.

– Что ты сказал? Ты кому это сказал? А ну иди сюда, выродок волосатый! Куда пошел? Немедленно вернись! Тебе отец приказывает! Учти, что посеешь, то и пожнешь! Как ты меня не уважаешь, так и к тебе не будет никакого уважения.

– Больно мне надо ваше уважение...

– Урод, ты кому это сказал? А ну стой, скотина!

Вслед неслись угрозы, проклятия и даже слюна, которой обильно брызгал шагающий за мной страхель Витя. Правда, перейти от оскорбления словом к оскорблению действием он так и не рискнул. А когда в моих руках появился топор, которым я стал колоть щепу для розжига костра, то великовозрастный страхуил и вовсе предпочел ретироваться в дом, от греха подальше. Спиной ко мне он на всякий случай не поворачивался. Так и пятился до самого крыльца, раскорячившись как самец мадрила, боясь явить мне свою раскормленную корму.

Хотя, признаться, у премудрого плешивца Вити и до появления в нашей нелегкой жизни, могущей послужить яркой иллюстрацией для укрепления духа переживающим людям, любимой супруги Наташи, были напряженные отношения с боевитым младшим братом. Он, когда освободился, все лето у нас дома прожил и питался в основном одними змеями. Змей тогда по лесам было видимо-невидимо, вроде как сейчас нахлебников на шее народной в спортивных федерациях. Утром как уйдет в лес, так к вечеру приходит с грибами и полным пакетом змей. Он как-то в шутку, на сенокосе, бросил бригадиру в сапог ужа. Тот стал обуваться после сытного обеда, а в сапоге змея! Два дня потом поносом исходил, от страха. А сам Леник змей жарил и харчился ими, щедро делясь с нами.

³³ Традиционно мачехой выдвигались обвинения в сексуальных домогательствах. В данном случае добавились и аналогичные инсинуации в отношении домогательств к Насте.

Леник, проведя первое лето свободы у нас, предлагал Вите построить дом на два входа в пригороде Клиновска, на участке, принадлежащем сестре Нине.

– Вить, у тебя двое детей. Да и ты не век же будешь тут директором, – пророчески вещал Леник. – Надо о будущем подумать. Давай я построю дом на двоих. Захочешь – сам жить будешь. А не захочешь, так детям твоим будет, где жить, когда вырастут.

Причем от сановного брата Вити требовалась только помощь в предоставлении стройматериалов, за которые Леник собирался платить из своего кармана. А строительство дома целиком взял бы на себя. Премудрый пескарь Витя от заманчивого предложения отказался, заявив:

– Мне и тут неплохо! А если на повышение пойду, то жилье предоставят! А дети пускай сами о жилье думают! Будут хорошо работать, им жилье и так дадут. Я вон ничего не строил и все время при жилье! Учитесь, щеглы!

– Вить, это все временно. Сегодня при жилье, а завтра нет. Жизнь меняется.

– Да ничего не меняется. Такие люди как я при любой власти нужны.

– Да что с тобой, дураком, разговаривать? – досадливо махнул крепкой рукой Леник. – Учился ты, учился, да видать заучился. Живи, как знаешь.

– И буду жить, как знаю! Еще приползете ко мне! Не знаете, с кем связались!

И тогда рядом с домом бабушки Дуни и покойного дедушки Володи построил собственными руками, практически в одиночку, себе двухэтажный дом. Ловкий дилер, за цены, прямо скажем выше рыночных, поставлял брату совхозные стройматериалы, доставшиеся ему практически даром, и кошка между ними с тех пор пробежала. Хотя и раньше не особо ладили они.

Например, любитель эпистолярного жанра Витя писал брату на зону придурковатые письма полуиздевательского характера все те годы, что он сидел. Еще и нас с Пашкой заставлял по страничке текста написать дяде Лёне, которого мы ни разу не видели. Как мы учимся, как помогаем, как спортом занимаемся – и прочая чушь. А Пашка он ведь такой – если что напишет, то потом хоть стой, хоть падай. Представьте, какая психологическая травма могла возникнуть у осужденного Леника от чтения этих писул.

III

«Mulier est malleus, per quem diabolis mollit et malleat universum mundum»³⁴

Летом того же судьбоносного для нас 1995 года рачительная хозяйка Наташа, после просмотра привезенной от дядьки Сергея видеокассеты «Звездные войны» ощутив в себе великую Силу, наняла троих рабочих с автозавода, из цеха Леонида Филипповича. Такой порядок был и при матери, но городские работники жили в специально предназначенном для заводских «шефов» общежитии. Тогда нам рубленную баню построили в саду и разделили нашу с Пашкой комнату деревянной перегородкой, обитой старинным советским гипсокартоном, на две части. Перегородка на двадцать сантиметров не доходила до потолка.

В проеме межкомнатной двери я повесил подаренную Филипповичем боксерскую грушу. Так как подвеса у нее не было, то укрепил в сетке из-под картошки на цепь, перекинутую через верх перегородки. Кулаки об узелки сетки первые полгода разбивались безжалостно. За это же время цепь наполовину перепилила верхний брусок. Пришлось подкладывать две доски и лист железа. Груша висела в проеме постоянно и когда дверной проем завешивали шторками, то незнающие люди при попытке войти в комнату часто бились о грушу головой, к немалой радости лежащего на моем диване отца, раздражавшегося при этом гомерическим хохотом, как старый бобер-паралитик. Еще в Пашкиной половине я приколотил на стену между ногами его кровати и старым одежным шкафом самодельную макивару из подушки с сиденья комбайна и отработывал на ней удары к вящему неудовольствию «новой мамы».

Хотя комната была условно поделена на две, тем не менее, спали мы на двух кроватях, стоящих в Пашкиной половине – на диване в моей половине, смотря телевизор, часто засыпал отец. Под кроватями хранился продолговатый фанерный ящик с моими вещами, а также штанга и гантели, подаренные Леонидом Филипповичем. На диване мне приходилось спать лишь при приездах Лариски³⁵. Потом, при матушке и благодетельнице Наташе, одна кровать была ликвидирована, а на ее место поставлен большой стол, где мы с Пашкой делали уроки, а я вечерами паял.

Еще на моей половине стояла тумбочка, на которой покоился телевизор. Телевизоров за это время у нас перебивало три штуки. Сначала старинный черно-белый, который привезли еще из Пеклихлебов. Затем родители взяли в кредит цветной отечественный. А в предпоследний год с матерью тоже в кредит взяли японский телевизор «Тошиба». Отечественный цветной телевизор папенька выгодно сбавил как раз тогда переехавшим в Горовку откуда-то с севера Пищукам.

Теперь же рабочие жили у нас: в нашей с Пашкой комнате. Филиппович им типа зарплату «закрывал», а они у нас строили по амбициозным архитектурным задумкам Натальи Борисовны. Один из них, сварщик был такой чернявый – Николай его звали. Ему два пальца на нашей циркулярке отчекрыжило. Крови много было. Залили перекисью водорода рану, полили зеленкой и замотали бинтом.

– Дядя Коля, а вы и с порезанной рукой быстро едите, – неожиданно для всех заявил вечером за ужином Пашка, внимательно наблюдавший за забинтованной рукой.

³⁴ «Женщина это молот, которым дьявол размягчает и молотит весь мир» (лат.).

³⁵ См. рассказ «Книжечка».

– Заткнись, придурок, – после некоторой заминки отреагировал папаша, отвечивая сыну оплеуху. – Коль, не обращай на него внимания. Мелет дурачок малолетний что ни попадя. Мы его давно хотели в интернат для умственно отсталых отдать, да все кормим из жалости.

– Да я и не обращаю, – согласился Николай, с сочувствием глядя на распутившего язык ребенка.

– МилАй, может и пора нам от дурачка избавляться?

– Наташа, не сейчас. Потом поговорим.

После ужина незадачливый болтун был выведен папой в сад и жестоко там избит, чтобы впредь неповадно было язык распускать:

– Хули ты лезешь во взрослый разговор, свинья прищуренная? Совсем нюх потерял? Я из тебя выбью дурь, от мамыши оставшуюся. Будешь как шелковый у меня по струнке ходить.

Среди рабочих молодой еще был один, любитель ондатр есть. Тот понемногу потрахивал деревенских девок. Третий был пожилой сварщик, ничем для нас особо не примечательный, кроме обильного курения. Жили они у нас дома на полном пансионе. По грибы ходили. Рыбу ловили – это с ними я ночью бредень тягая, левый сапог утопленника Фирса поймал однажды³⁶.

Назавтра произошла такая история. Отец сидел за столом и большим пинцетом сосредоточенно вырывал у себя из левой ноздри волоски. Пашка, сидя с торца стола, отрешенно смотрел на пальцы, лежащие в стеклянной баночке из-под майонеза.

– Что ты его гипнотизируешь? – наконец лениво спросил отец, закуривая вонючую черную сигарету.

– Интересно, если в горшок с землей его посадить, вырастет? – спросил Пашка.

– С чего вдруг? – удивился отец.

– Мухоморы же растут, хвощ растет, – брат кивнул на подоконник. – Почему же палец не вырастет?

– Ну... – отец почесал лысину, – агрономия как наука этому противоречит.

– А если обратно пришить?

– У нас в деревне был случай, когда я еще юношей был, – затянулся отец. – Мальчику, вроде тебя дурачок был, ноги косою отец отчекрыжил. Так ноги пришили и он бегал потом.

Брат достал потрепанную записную книжку в синем переплете, когда-то выбитую у Лариски, и старательно записал слово «отчекрыжил».

– Специально отчекрыжил?

– Вроде случайно... я уже точно не помню... – отец, словно паролод, выдохнул в потолок мощную струю дыма. – А вот мужику одному в армии палец оторвало. Пришили, а он не гнулся. Как видишь, медицина она по-разному может повернуться. Это агрономия наука точная. Вот, допустим, возьмем люпин. Есть ты его не сможешь, хоть тресни. Все понятно. А в медицине неясно: то ли помрет, то ли нет. Неточная наука. Медицина наука мудрая, вроде агрономии. С кондачка коновалом не станешь, шесть лет учиться надо.

– А ты бы смог врачом быть? – исподлобья взглянул на отца Пашка.

– Я? Да запросто! У меня два высших образования, я любого эскулапа за пояс заткну.

– Значит, я пальцы себе оставлю, – сделал вывод брат. – Все равно пришивать без толку.

– Оставь, – разрешил отец и, затушив окурок, вновь принялся пропальывать нос. – Только заспиртовать надо, чтобы не пропали.

– Витя, тебе бы только спиртовать, – выглянула из кухни мачеха. – Убери эту гадость, – сказала Пашке. – Сидишь, ерундой тут страдаешь, прихвостень.

Для начала по грандиозным задумкам мачехи был устроен туалет в доме. Ходить в уличный туалет они с постоянно фыркающей Настей считали ниже своего достоинства. То микробы там, то дуется, то темно, то подсматривают за ними, то еще какая причина.

³⁶ Подробно про этот случай изложено в рассказе «Ленин и печник».

– Это вы можете весь двор обдригать, хмыри болотные, а нам культура туалета нужна, если уж во всем прочем приходится жить в говнище, – выразительно посмотрела на нас с Пашкой.

Туалет был сделан в ванной комнате. Фаянсовую раковину убрали, а на место слива приспособили унитаз, украденный предприимчивым папой где-то в райцентре. Для смыва нужно было повернуть гусак водопроводного крана в сторону унитаза и открыть воду. Умываться же после этой модернизации приходилось в ванну. Хотя, папаша и до этого любил украдкой помочиться в раковину.

Унитаз был предназначен только для женской части семьи. Максимум на что мы могли рассчитывать, так это помочиться туда украдкой, когда мылись в ванной. Когда же мы просто умывались, то подозрительная мачеха запрещала закрывать дверь в ванную комнату:

– Вдруг будете в ведре с нашим грязным бельем копать, извращенцы малолетние!

– Да кому надо ваше белье!

– Не скажи, Владик, не скажи. Вас, дебилоидов деревенских, не поймешь. Кто-то клей нюхает, а кто-то чужие трусы. Кстати, ты клей не брал?

– Да ни брал я никакого клея!

– Значит, ты трусы нюхаешь?

– Да ну вас!

– А ты, плесневчик, нюхаешь? – пристала к Пашке.

– Нет! – испуганно открестился он.

– Не ври! Крышка на ведре по-другому лежала, до того как ты мыться полез.

– Не нюхал я! – затравленно прокричал Пашка, вращая глазами за мутными стеклами очков.

– Не нюхал? Значит, гоняешь на них? Да? На мои или на Настины?

– Нет-т-т-т! – несчастный ребенок в слезах выскочил из-за стола.

– Мастурбировать это нормально, пока у тебя женщины нету, – солидно пробасил вслед папаша. – Не надо этого стыдиться. Вот только брать чужие трусы без спросу это уже опасное извращение – фетишизм называется.

Ответом были истерические рыдания, доносящиеся из комнаты Пашки.

– Так пускай попросит милАй, я дам. На все ради твоих дебилов готова. Лишь бы только отребье было довольно!

– Говорят что онанизм, онанизм, онанизм, разрушает организм, – запела Настя, – разрушает организм, да-да!

– Во уела, ха-ха-ха, – отец от избытка чувств начал долбить рукой по столу. – Так с этими растяпами!

Папа же по-прежнему зимой преспокойно мочился в ведра с углем и вываливал потом уголь в котел отопления, напевая:

– Злой шутник, озорник, истопник.

– Так уголь лучше горит, – поучал он. – Учитесь, бестолы! И вообще, так все британские лорды с древности до наших дней поступают. Они в каминь ссут, а чем мы хуже?

– Вить, но воняет же, – брезгливо морщила нос Наташа.

– Где воняет там и пахнет, – жизнерадостно ржал папаша. – Народная мудрость!

– Фи!

– Дядь Вить, ну ты как лох, – поддерживала Настя. – Сейчас серьезные люди уже в ведро не ссут, как при коммунистах было.

– Ха-ха-ха, – жизнерадостно заливался в ответ папаша. – При коммунистах и не такое еще бывало! Ха-ха-ха!

Потом строители построили здоровенный погреб с мощной дубовой дверью из досок в ладонь толщиной. Матушка Наташа нас потом часто запирали там, в педагогических, разуме-

ется, целях. Тоже мне Макаренко пергидролевая выискалась. Погреб был на совесть сработан. Когда меня там закрывали, то совершенно ничего не было слышно, и не зги не было видно. Этакая сенсорная депривация в деревенских условиях. Один раз меня там закрыли в наказание за нарушение семейной дисциплины и в назидание Пашке. Закрыли и забыли. Только через три дня вспомнили, когда какие-то работы по дому выполнить потребовалось, и выпустили из овощного узилища. Когда вышел из него, то чуть не ослеп от дневного света – настолько в этом «зидане» глаза стали чувствительные.

Рабочие к нам и на следующий год приезжали. Продолжали строить летнюю кухню из купленного еще при матери хозяйственным семьянином Витей щитового дома, стоящего без хозяев. Именно этот дом сыграл позднее роковую роль в судьбе простодырого триколекера Вити. Амбар мощный из дубовых бревен частично построили.

А вот на третий год рабочие не приехали, ибо вероломная мачеха банально кинула» их при расчете за проделанные работы. Посчитала, что это они должны ей заплатить за то, что жили всё лето на полном пансионе:

– Витя, они у нас все лето жили как в санатории и ели с нами за одним столом. За что им платить?

– Точно милая. За что платить? Ели, жили... – согласился папа Витя. – Еще и рыбу ходили с Владиком ловить по ночам.

– И по грибы!

– Точно! Еще видеоманитофон наш смотрели! – до эротики, даримой видеоманитофоном, папенька был весьма жаден. – Из-за них и «клубничку» толком нельзя было посмотреть.

– Значит, не будем платить?

– А давай и не будем. Кучеряво будет – отдохнули лето у нас, а мы им еще и плати!

– Позвони Филипповичу и скажи, что платить не будем.

Вечером папенька заказал межгород и позвонил куму на квартиру.

– Здорово, кум! Как оно?

– Нормально. У вас там как?

– У нас? У нас оно лучше всех. Как завещал великий Ленин: «Правильной дорогой идете товарищи!»

– Рад за вас.

– Я чего звоню-то. Мы тут с Наташкой посовещались и решили денег не платить.

– Каких денег?

– Рабочим твоим, за стройку.

– Чего так? Работы-то выполнены.

– Так они у нас как в санатории жили: питание, грибы, рыбалка, видик.

– Витя, так не делается! Люди работали, надо заплатить.

– Накосья-выкуси! Фигли вам по всему фигвам, а не деньги. Пускай спасибо скажут, что с них за пансион денег не берут.

– Так что, платить не будете?

– Нет, не будем!

Про этот нехороший случай через «сарафанное радио» вскоре узнал весь автозавод, поэтому больше желающих играть в рулетку с бывшей подчиненной Леонида Филипповича не нашлось.

– Вить, никто не хочет к вам ехать работать, – по телефону говорил Филиппович. – После такого кидалова дураков нет больше.

– Лень, может хоть кого-то уломаешь? У меня кухня стоит недостроенная и амбар не защит. А снег пойдет если? Мне самому что ли теперь достраивать?

– Кого я уломаю? Наташе своей скажи спасибо!

– Наташу не трожь! Наташа – это святое!

– Извини, ничем не могу помочь.

Объекты, подобно пресловутому космодрому «Восточный», застыли недостроенными. Надо было как-то выпутываться. В деревне тоже желающих связываться с морально нечистой-плотной Наташей особо не было, а у отца руки были не под то заточены.

– Наташ, штурмовщина тут не пройдет, – задумчиво чесал лысину папаша. – Это раньше можно было план гнать, как немцев с криками «За Родину! За Сталина!». А сейчас наоборот, рынок в действии и, как говорится, надо в него вписаться.

Внезапно хитрая мачеха сменила гнев на милость.

– Витя, надо бы брательника твоего позвать доделать. Ему все равно делать нечего, пускай хоть какую-то пользу тебе принесет. Зря, что ли ты столько добра для него сделал? – так напевала она.

– Как скажешь, милая, – покорно согласился, как флюгер мгновенно меняя направление. – Надо позвать, значит позовем. Пускай поможет брату. Не все же мне им помогать.

Позвонил в общежитие соседям Свечкиной, у которых был телефон.

– Здравствуйте, Свечкину позовите.

– Какую?

– Что значит «какую»? Старшую.

Через некоторое время тетя Нина взяла трубку.

– Нин, привет! – громко заорал папаша. Он безосновательно считал сестру глуховатой и, разговаривая с ней, все время повышал голос.

– Здравствуй, Витя. Не обязательно так орать.

– Ну как вы там? Лариска еще не залетела? Ха-ха-ха.

– Дурак ты Витя и шутки у тебя дурацкие.

– Какой же я дурак ежели умнейше и красивейше меня никого нет?

– Чего звонишь-то?

– Съезди к Ленику в деревню и скажи, чтобы приезжал в Горовку.

– Зачем?

– Как зачем? Брату помочь!

– Наташа сказала ему больше не приезжать.

– Ой вэй, ну к чему так драматизировать? Наташа просто попросила уехать на некоторое время, а так она ничего против Леника не имеет. Да и вы с Лариской приезжайте, если что. Всегда вам рады.

– С трудом верится как-то.

– Да что ты там бурчишь, глушня? – вновь начал орать. – Ленику, говорю, съезди и скажи, чтобы приезжал. Дело есть.

– Да что ты так орешь? Я и первый раз все прекрасно поняла.

– Да, и пускай сала у матери возьмет для внуков.

– Витя, никакой совести у тебя нет!

– Да и тебе тоже здоровья! – и опуская трубку, вполголоса добавил: – Тетеря глухая!

Леник был временно реабилитирован в глазах семьи и деревенской общности и приглашен для достраивания амбара. Амбар пришлось нам с ним вдвоем достраивать. Но там уже не сложно было – каркас обшить досками, пол набрать, потолок и двери с воротами сделать. И, разумеется, ящик металлический для зерна соорудить. А иначе, какой это амбар без зерна? Старый ящик из дровяного сарая, на крышке которого плясал пленивший младшего Бобка Пашка, мы тоже переволокли, но мачехе с ее масштабами этого показалось мало.

– Витя, одного ящика нам будет мало!

– Наташ, раньше хватало, – попытался протестовать ленивец.

– Раньше ты и с «бывшей» жил и тебе хватало. А теперь новое время, – срезала его супруга. – Поручи челяди сделать еще один ящик. Запас зерна на черный день создадим.

Папаша потопал к нам в амбар.

– Я вот тут подумал...

– Витя, какое подумал, если ты debil? – прервал Леник.

– Лень, я директор! Директора бы debilом не поставили! Точнее наоборот, debила бы директором не поставили! Понимать надо!

– Я понимаю.

– Надо еще один ящик для зерна сделать.

– А этого мало? – Леник указал на стоящий в углу ящик.

– Этого мало. Надо на черный день запас создать. Сам же еще и приедешь зерна просить.

– У тебя снега зимой не допросишься, не то, что зерна!

– Это я ведь почему такой жадный был, – тоном почтальона Печкина ответил отец, – потому, что у меня зерна не было. А вот как будет зерно...

– Оно и страшно!

– Ладно, хватит спорить. Я договарюсь, листы железа вам мужики после обеда привезут. А вы уж постарайтесь, чтобы мне не пришлось перед людьми краснеть, – развернулся и потопал домой смотреть видик.

– Форменный урод, только фуражки с кокардой не хватает, – плюнул вслед Леник. – Пошли, что ли чефира заварим?

Тогда я впервые попробовал чифир.

– Ты попробуй, попробуй. В жизни всегда пригодится, – бывалый дядька заваривал пачку черного чая на кастрюлю воды и периодически хлебал сакральный напиток, являющийся одной из «традиционных ценностей» русского народа.

– Горько! – я тоже понемногу отхлебывал из кастрюли, на него глядя.

– Ясный перец, что горько. Это же тебе не ликер, а чифир. Понимать надо! Чифир душу зэка выражает.

Вечерами мы обычно играли с ним в шашки, а Пашка внимательно наблюдал за игрой. За годы, проведенные в колонии, дядька великолепно освоил тонкости шашечной игры и я практически всегда ему проигрывал.

– Практики тебе не хватает, – любовно ворчал, полирую носовым платком мои «съеденные» шашки. – Учиться тебе, учиться и еще раз учиться.

– Как завещал великий Ленин? – встрепенулся Пашка.

– Вот именно. Как завещал великий Ленин.

К вечеру началась у меня рвота от чефирного «приобщения к истокам» и по этой причине за доской с Леником сошелся Пашка. И две ночи потом я спать не мог.

В то время я активно колот дрова немощным местным жителям, а Пашка помогал в меру сил, укладывая наколотые поленья. А что, и доброе дело сделаешь, и накормят практически всегда. Скопидомка Наташа требовала брать с людей за это деньги и отдавать ей.

– Ты должен уже для семьи деньги зарабатывать, а не жрать чужие харчи.

– Как я буду с людей за помощь деньги брать? Не по-людски это как-то. У нас так не принято. Да и с каких это пор харчи стали «чужие»? Я, тетя Наташа, побольше вас работаю.

– Ты мне еще порассуждай, выродок, – по-змеиному шипела в ответ. – Все вечером отцу расскажу! Немедленно иди и без денег не возвращайся!

– А не пошли бы вы тетя Наташа туда, куда привыкли ходить, – отозвался я, уходя к себе в комнату.

– Схожу, не волнуйся! Вот только отец придет с работы, как сразу же схожу! А тебе, ошибка аборта, это так просто с рук не сойдет! Лучше бы ты на ковре засох!

Так как я вежливо послал её с таким бесчестным способом пополнения семейного бюджета, то отправилась сама требовать деньги с вдовы электрика, беженки из Армении, Анны

Семеновны. И та, как человек весьма интеллигентный дала денег этой беспутной женщине. После этого мне с тимурничеством пришлось завязать, чтобы не позориться перед честными жителями деревни. Вот так хитро и незаметно отвращала нас от добрых и бескорыстных дел сия змея подколодная, пытаюсь развратить юные души жаждой наживы.

Хотя, каюсь, что была у нас с Пашкой такая относительно невинная забава, начавшаяся еще при матери. Хорошие дрова на приготовления корма свиньям мать брать запрещала, опасаясь, что можем замерзнуть зимой.

– Вон, ходите, хворост собирайте, – наставляла она. – Я в детстве собирала хворост и стала человеком, а вы все волчатами растете. Экономить надо, а то из-за вашей лени замерзнем зимой.

– Как же ты замерзнешь при полном дровянике дров, – попытался вразумить я. – И бункер углем под завязку забит.

– Не пререкайся, скотина! Идите и собирайте, Пашка вон без дела какой квелый стал. Если не принесете хвороста то есть не получите, так и знайте! Взяли моду с матерью гордыбачить. Раньше такого не было! Сталина на вас нет! Я вот с детства собирала хворост и стала человеком! А как батя ваш не собирал хвороста, так и остался пень пнем! Еще и облысел весь, коростовик никчемный!

Найти подходящий хворост возле дома было трудно. В тянущейся по деревне лесопосадке он был собран рачительными таджиками. Далеко в лес мать не отпускала:

– Вы там заблудитесь и вас волки съедят, а нам с батей потом хоронить! Никакого леса! Не дай Бог узнаю, растопчу как чумных мышей!

Но выход был найден. Как не дико это звучит на взгляд нынешнего среднестатистического горожанина, мы воровали заборы. По ночам ходили по деревне и снимали заборы целыми пролетами. Они тогда почти у всех были из штакетника сделаны. Асбестовые столбы с прямоугольными отверстиями, в которые продеты длинные прожилыны. На прожилыны, с зазором, равным ширине штакетинны, набит штакетник. Про сетку-рабицу и уж тем более про бетонные заборы тогда еще и слухом не слыхивали. Тихонько снимаешь пролет и незаметно несешь домой. Очень удобный для переноски вдвоем формат получался. Дома экспроприированный забор использовался как топливо для приготовления еды свиньям.

Сначала мы так реквизируем забор вокруг конторы, который и до этого был полуразобран из-за частых драк в клубе. Потом вокруг почты. Затем не избежал нашего внимания и новый детский сад. А когда разобрали забор и там, то стали потихоньку разбирать заборы у нежилых домов. Правда, иногда, шутки ради, выкапывали ночью антенные столбы. Сами антенны оставляли хозяевам, а столб уносился на дрова. Но особо антенными столбами мы не увлекались – больно хлопотное это дело. Хотя, по правде говоря, у Сереги по кличке Корявый, памятуя, как он гонялся за нами с топором и то, как старый греховодник прелюбодействовал с его женой³⁷, антенные столбы уносили раз пять. За женой надо смотреть, а не в телевизор пялиться.

Стареющая городская юнатка Наташа, между делом, в ходе своих частых продукто-снабжающих Смальцо поездок, привезла от родителей здоровую рыжую образину – кота Кузьму.

– Витя, для тебя есть сюрприз от мамы.

– Какой? – папенька обрадовался, думал из харчей что или выпивки передали.

– Вот он! – Наташа держала плетеную корзинку, из которой выглядывала наглая рыжая морда.

– Что это?

³⁷ См рассказ «Люблю грозу в начале мая».

– Кот.

– Кот? – с сомнением протянул папаша. – А нам своих кошек мало?

– Ваши еще от «бывшей» остались, а это любимый кот моей мамы!

Ел он не меньше справно поросенка, наравне с пламенноликим дедом Борисом. Только что не пил спиртного, а так даже внешне похож был на трухлявого греховодника. Хотя, и на сатира Виктора чем-то смахивал. Похотливостью что ли? Сидел с важным видом возле стола, а потом внезапно с громким истошным мяуканьем когтился в ногу мне или Пашке. Из-за этой скверной привычки его из Смальцо и сбагрили.

Стала добрая матушка Наташа изживать наших кошек, оставшихся от матери.

– Витя, кошки на «б/у» (так она нашу мать называла «бывшая в употреблении» или кратко «бывшая») похожи, поэтому надо от них избавиться, иначе в нашей семье не будет счастья.

– Надо, так надо, – покорно соглашался папенька. – Изменения есть суть жизненного процесса.

И со временем, таки, изжила кошек разными способами. То к питбультерьеру Рексу³⁸ в вольер забросит, то, якобы случайно, дверью задавит, то отравит безжалостно. А однажды, собрала маленьких котят в мешок и поручила бездушному живодеу:

– МилАй, съезди в лес и расстреляй их прямо в мешке. Надо избавляться от наследия «бывшей».

– Понял, милая, – покорно свесил уши этот лопух.

Да что с него взять? Он и детей своих не жалел, не то что каких-то котят. Да, все-таки подлость человеческая границ не знает. Поживешь вот так с мачехой и понимаешь, что сказка «Двенадцать месяцев» не на пустом месте родилась. Только привезенную Филипповичем еще при матери сиамскую кошку по кличке Симка пощадила.

– Кошка дорогая, может быть, разведем котят и будем торговать. Все какая никакая копейка в семье будет. Не то, что с твоих приживал двоих.

– А кота где взять?

– Мама даст объявление, и отвезем в Смальцо на вязку.

– Маму? Ха-ха-ха, – словно застоявшийся мерин заржал папаша.

– Витя, не уподобляйся своим дебилам! Ты голову себе в правлении не отсидел? Кошку.

Безжалостно избавившись от кошек и коварно отвадив практически всех наших родственников, Наташа вновь принялась за нас с братом. Сначала высчитала, пользуясь все тем же похищенным калькулятором, что мы с Пашкой слишком много едим.

– Вить, зачем им столько есть? Они же сексом не занимаются. Зачем зря кормить дармоедов?

– Милая, что ты предлагаешь?

– Теперь, приживалы, будете есть строго ограниченные порции. Посмотрим, какая экономия получится.

– Какой экономии надо достигнуть? – уныло поинтересовался Пашка.

– Достигнуть надо того, чтобы вы прибыль семье приносили. Понял, заслепыш?

– Понял.

Так и выходили мы из-за обеденного стола постоянно голодными. Вроде и посидел, вроде и время прошло, а толком не насытишь растущий организм столь малой порцией. Еще и папаша норовит время от времени отхватить с твоей скудной пайки чуток.

³⁸ См. рассказы «Жили у бабуся два веселых гуся...», «Собачья смерть-2».

– Отлично, отлично, – примерно через полгода, видя, что мы еще живы, урезала нам порции еще раз. – Вот видишь милый, а то бы жиром мозги у них заплыли. А так и для здоровья польза и для кошелька ощутимо.

– Какая ты у меня умная!

– Конечно, я тебе не твоя б/у с Клеверного!

– Да, порода чувствуется, – беззастенчиво льстил супруге папенька. – Дворянская кровь завсегда сильнее, чем у мужичья сиволапого.

Со временем истощенный Пашка стал падать в школе в голодные обмороки, что несказанно радовало Наташу. Говорила, ласково улыбаясь сытым лицом:

– Павлуша, немного уже осталось тебе потерпеть!

– Я в детстве тоже не досыта ел, а стал человеком, – лицемерно заявлял папа Витя, ласково отвешивая Пашке очередной мощный подзатыльник, от которого неровно стриженная голова ребенка моталась как у тряпичной игрушки. – Бери пример с отца, хорек вонючий! Нужно, как завещал Суворов, держать живот в голоде.

И судя по изнуренному виду Пашки, действительно недолго ему оставалось огорчать своим существованием любимых папу и «новую маму».

– А ноги в тепле? – пытался бодриться обреченный ребенок.

– А ноги закалять надо! Вон, с Влада пример бери – в снег босиком ходит, – ржал в ответ заботливый отец. – И как видишь, до сих пор жив, паскуда.

Из Смальцо родители Наташи с каждой оказией присылали любимому коту поесть. Не внукам же новоявленным передавать гостинцы, право слово. Однажды, бездонный проглот, под бутылку пива, щедро дарованную любимой супругой за активное соучастие в жестоких репрессиях против нас, нашел в холодильнике и, жадно чавкая, алчно проглотил протухшую рыбу, переданную коту. Как же Наташа орала потом, когда увидела пропажу «передачи»:

– Витя, это же коту было передано! Мама ему собирала, а ты сожрал! Как можно?

– Я кишечник правосудия, – ляпнул по привычке папаша, но не тут то было.

– Ладно, дети у тебя шизофреники, что при такой маме понятно. Но и ты, получается, не лучше? Это уже ни в какие рамки не лезет! Сожрать кошачью порцию! Это же просто нонсенс какой-то!

– Милая, но я же не знал, что это коту, – начал давать слабину лысый обжора. – Если бы я знал...

– А спросить не судьба?

– Конечно не судьба. Ты же моя судьба, – как гамадрил заржал считающий себя остроумным отец. – Ха-ха-ха.

– МилАй, ты от общения со своими недоделками и сам полудебиллом становишься.

– Это почему-же?

– По кочану! Чтобы такого казуса не повторялось, да и от твоих змеенышей охранить продукты, надо повесить на холодильник замок! Хватит этой оголтелой анархии, что кто угодно может что угодно взять из нашего холодильника!

– А что такое казносес? – шепотом спросил меня Пашка, по обыкновению перепутав незнакомые слова.

– Это типа консенсуса, как у Мишки Горбачёва было, – солидно растолковал я.

– А-а-а, понятно. Это потому что отец лысый?

– Само собой. Скоро еще и пятно появится.

– А это не заразно?

– Нет, тебе никакая зараза не грозит, кроме тети Наташи, так что можешь не беспокоиться.

Досадный инцидент послужил предлогом к установке на холодильник навесного замка. Привинтили две петли металлических и в них вдели замок. Ключ, ясное дело, хранила у себя.

Но вы-то помните, что я с детства ключи от замков активно собирал³⁹. Это спасло нас с Пашкой от явственно маячившей впереди перспективы голодной смерти.

Но действовать надо было крайне осторожно, так как подлая скотина вполне могла и в холодильнике что-нибудь отравить. Хотя пятнистый удав мог сожрать все, что угодно. Помню, однажды, открывал прожор Витя стеклянную банку с консервированным салатом. Для сохранности крышки он делал это специальным приспособлением, изготовленным на автозаводе. От голодного нетерпения и врожденной неуклюжести раздавил банку. И сидит себе, как ни в чем не бывало, уплетает за обе щеки, любо-дорого поглядеть.

– Влад, попробуй салат, – еще и мне от щедрот своих предложил. – Салат какой нажористый бабка Дуня сварганила. Ем и нахваливаю.

Я попробовал, а стекло прямо на зубах хрустит!

– Там же стекло! – отказался от аттракциона невиданной щедрости.

– Мелочи какие! В блокадном Ленинграде за такой салат тебе бы фортепьяно бы сразу отдали, – папа Витя спокойно проглотил весь салат до дна. – Ну, ничего, мне больше достанется.

И несколько не пострадал при этом. Живучая скотина был, однако, следует признать.

– Зачем мне фортепьяно?

– Темный ты, некультурный. Фортепьяно завсегда в хозяйстве пригодится. На нем женщин трахать хорошо!

– Так ты у тети Нины попроси.

– Что попросить? – насторожился старый плут. – Трахнуть что ли?

– Не стыдно тебе такое плести?

– Не-а, стыдно у кого видно, – заржал довольный собою пошляк, – а я прикрываю. Ха-ха-ха.

– Фортепьяно попроси. У них же на фабрике делают.

– Знаешь, иногда ты почти как разумный человек рассуждаешь, – удивился папенька, пристально меня рассматривая. – Попроси! А за какие шиши? Ничего, я Наташу и без всяких фортепьянов трахаю, – хвастливо махнул рукой. – А тебе и с фортепьяном никакая дура не даст!

Затем хитромудрая воспитательница и домомучительница додумалась замок навесить и на подвал, который был под полом на веранде:

– Твои дети-геморройщики скоро весь дом превратят в бомжевище. МилАй, нельзя так, чтобы у кого ни попадая доступ был к картошке. Надо замок на подвал навесить.

– Как скажешь, милая. Надо, так надо. Замок есть осознанная необходимость, данная нам в ощущениях, – вновь развел демагогию папаша. – Влад, прикрути петли к крышке люка. Пора порядок навести в доме!

– И крепче делай, жопорукость ходячая! – напутствовала Наташа.

Потом лысый раздолба, шедший по веранде со словами:

– Встречайте, паратиф и возвращение паратифа. Ой! – ногой в замок налетел

Целиком содрал ноготь на большом пальце левой ноги, и громко матерился безбожно.

– Вот тебе и осознанная необходимость, данная в ощущениях, – злорадно подсмеивался я.

– Молод еще отца учить, пашенок рыжий! Дорости до моих лет, а потом будешь учить.

– Я не доживу.

– Туда тебе и дорога!

– МилАй, откуда на полу кровь? – вышла на шум из дома Наташа.

– Наташ, я ноготь сорвал!

– И что? Это повод заливать все кровью?

³⁹ См. рассказ «Деревенский детектив-2».

– Да я... да я...

– Поручи челядину взять тряпку и помыть пол. И в дом не тащись, а то паласы уделаешь.

– А что мне делать-то? У меня же рана, я кровью могу истечь.

– Поручи принести тебе табуретку и присядь на ней, а я тебе рану забинтую.

– СтаршОй, принеси табуретку, – распорядился «раненый».

Я принес из кухни табурет, на который подрубленным дубом немедленно рухнул родитель. Наташа не спеша отправилась за аптечкой. В коридор с улицы пугливо заглянул Пашка, видимо планируя незаметно проскочить в дом.

– Вот видишь, помирает батька, – со слезами на сморщенной харизме пожаловался ему папаша. – Истеку кровью, и станешь полным сиротой.

– Мама учила, что надо на рану пописать, – высказался Пашка.

– Вот, только ссать вы и способны, ссыкуны деревенские, – вплыла на веранду Наташа. – Ссать и срать, вот ваши занятия. Да отца родного объедать.

– Это для дезинфекции, – попытался оправдаться брат.

– Да тебе самому дезинфекция нужна! Дустом на твой зачаточный мозг!

– Наташ, ты давай уже, это самое, верти, – нетерпеливо встрял отец. – Кровь-то не казенная.

– Вертеть твоя бывшая жопой перед мужиками любила, а я перевязку делать буду, – сердито возразила. – А вы, простолюдины, свалите на улицу, а то от вашей вони дышать нечем.

Мы послушно поспешили очистить веранду, но жалобный мат перевязываемого отца был слышен и на улице.

При матери мы картошку там хранили. Однажды, когда подвал заливали вешние воды, мать заставила меня всю картошку оттуда вынуть и разложить в мешки на веранде. Любящий отец и заботливый муж спокойно проспал, пока я полночи доставал картошку из подвала. При мачехе там консервация хранилась разнообразная. Я консервировал тогда много. Огурцы мариновал и засаливал «прямым посолом». Помидоры закрывал. Салат из зеленых помидоров, перца и лука делал. Бабушка Дуня, земля ей пухом, тоже много консервации передавала нам в то время. Все-таки, хоть и обижена вельми была на хамоватого сынка Виктора, но про нас, внуков, никогда не забывала и всегда нас жалела. По лету помидоры ящиками от нее благодарный хапуга Витя привозил.

– Вить, возьми лук и вези детям! – когда бабушка от очевидца Леника узнала, что мачеха нам запрещает рвать зеленый лук на огороде, то, возмутившись, и лук зеленый стала целыми мешками передавать. – И не вздумай Наташе отдать! Пускай дети едят!

Да и мачехина мамаша, Зельма Карловна, та еще чёртова перечница была, внешне похожая на желчную герцогиню из советского мультфильма 1981 года режиссера Ефрема Пружинского «Алиса в стране чудес». Приехав на свадьбу дочери в берете с пером, она произвела на Пашку неизгладимое впечатление.

– Чего это у нее на голове?

– Шапка такая, не видишь что ли? С пером. В старину модно было такие носить. Пажи носили, – просветил я брата.

– Красиво...

– Уж всяко лучше твоей кепки с кудрями⁴⁰.

– Это да... С пером...

⁴⁰ Мать Пашке на Новый год сделала костюм клоуна, в составе которого была кепку с пришитыми кудрями. Потом еще пару лет заставляла бедного ребенка носить эту кепку, чтобы уберечь от солнечного удара. Многие настолько к этому привыкли, что когда Пашка перестал носить кепку, то сначала его не узнавали.

Винтажная кочерга приняв малую толику спиртного и пожевав табак, до которого была весьма охоча, активно консервировала плоды, украденные хозяйственным мужем на соседних дачах. Дача была в уездном городе Смальцо, расположенная в сосновом бору, на краю города. У любострастного дедушки Бориса еще коллекция приложения к журналу «Юный техник» «ЮТ для умелых рук» хранилась на даче.

Бабка с дедом полуагрономом безудержно тырили у несчастных соседей всё, что плохо лежало. И даже то, что лежало хорошо, умудрялись припутить в свою пользу. Хитрая бабушка, кося под «божьего одуванчика, ходила и зорко высматривала, где и что лежит, а бесстыдный дедушка потом выволакивал имущество, присмотренное супругой. Просто поразительно были охочи эти городские старики до чужого добра. Встречаются такие люто алчные до наживы люди всё чаще и чаще среди разнокалиберного населения нашей необъятной Родины.

Также поговаривали знающие люди, что по молодости лет дед Борис грабежами в Казахстане промышлял. Вполне возможно. Во всяком случае, на Бориса Николаевича Ельцина не только внешне был похож, но и отчасти, внутренне. Такой же буйный демагог во хмелю был, как и супруг вдовы Наины. И лицо такое же красное постоянно было. Так что я, зная повадки того дедушки, легко поверю и в грабежи в Казахстане.

Во всяком случае, у дочки какого-то живущего ниже соседа он украл с балкона, с помощью телескопической удочки, также в свою очередь у кого-то украденной, сушившийся черный купальник-бикини и очки для ныряния, а затем передал любимой внучке Насте. Та щеголяла в дедушкиных подарках на озере, смущая смелым кроем купальника и провокационными надписями на нем благочинную деревенскую общественность.

– Настя, ты бы поскромнее купальник одевала, – сказал я.

– А мне нечего стыдиться своей фигуры! Пускай завидуют ваши коровы раскормленные!

– Было бы там чему завидовать.

– Да что ты понимаешь в женских фигурах? Ты вообще недоразвитый! У тебя развитие заторможенное! Ты еще не половозрелый!

– Много ты понимаешь в половой зрелости, сопля городская!

– Побольше чем ты, чурбан деревенский! Навозник недоразвитый! Ничего, кроме коров не видел и судит о красоте! Да я вообще могу топ-моделью стать!

– Оно и видно.

– Еще завидовать мне будешь, дуболом!

– Тебе-то уж я точно завидовать не буду.

– Будешь! Будешь! Будешь! – начинала скакать вокруг меня. – Будешь! Будешь! Будешь!

Куртку дерматиновую, подобным же образом добытую, тещь щедро привез деревенскому моднику и франту. Витя, порвав правый рукав, ее мне великодушно подогнал, в качестве подарка на день рождения. Можно сказать, что с барского плеча шубу отдал. По крайней мере, он, мне ее торжественно вручая, именно так и заявил:

– С барского плеча!⁴¹.

– Спасибо, – что еще мне оставалось на это ответить?

– Помни отцовскую доброту, клоп! При матери-то небось такой куртки у тебя не было.

А при тете Наташе любо-дорого поглядеть. Прямо жених.

– Да, при матери такой куртки у меня не было.

– Витя, да что ты дебилу объясняешь? – визгливо вмешалась благодетельница Наташа. – Он же тварь неблагодарная! Никогда мне «спасибо» не сказал! Иди лучше обедать, а то язву с ним заработаешь!

⁴¹ Вряд ли папа, человек и причиндал, читал великого Антона Павловича Чехова. Скорее всего, повторил фразу «Вождя краснорожих».

Я ходил в этой куртке несколько лет, периодически зашивая заплатами из кожзаменителя расплывающийся дерматин и подкладывая под заплатки металлические пластины. Со временем вся она в заплатках была и стала тяжелой как панцирь. Потом у меня ее в гардеробе дома культуры украли году в две тысячи пятом.

Дедушка Борис, как подохнет, начинал под гитару немелодично реветь песни на немецком языке. Чуткого зятя со временем приохотил к вокально-инструментальным упражнениям. Как нажирались, бывало, так начинали орать хриплым дуэтом:

– Матка, яйки! Матка, курка! Матка, млеко! Матка, белий булька! Матка, буль-буль! Ай-цвай-полицай! Драй-фир-бригадир! Цигель-цигель, айлюлю!

– Ферфлюхте юде! Натюрлих! – ревел дед и папаша, потешая прогрессирующее слабоумие старого лиходея, пускался в пляс в присядку, высоко, как пьяный подагрик подбрасывая колени и как паралитик дрыгая туловищем в этой пляске «святого Вити».

Потом еще и индюшиный хор из уцелевших птиц к нечестивцам присоединялся. Та еще адская какофония получалась. Еще старый краснорожий греховодник очень любил картофельный самогон, и мне приходилось его гнать для новоприобретенного дедушки. Он «картофельную» под наше сало аппетитно потреблял и кричал: «Я-я-я-я!» на псевдо-немецкий манер.

– Гуд, настоящий продукт.

– Понюхай, – пьяно просил отец.

Дед нюхал.

– Нет, ты глубже нюхай, не мелочись, не на паперти. Чуешь, чем пахнет? Россией пахнет! Это настоящий продукт, не бездуховный буржуазный коньяк французский какой-нибудь. Это слезы и пот землицы нашей! Амброзия полевая пополам с нектаром половым.

– Есть чуток, – соглашался дед, морща красный нос.

– И ведь из чего сделано? – воздевал палец папаша. – Из бросовой гнилой картошки. Как говорится: из говна бутылка.

– Хорошо сказал, надо запомнить.

– А еще делали на сухарях, – ободрившись похвалой, рассказывал радостно отец. – Там сухари в городе заплесневели и их выкинули, а я мимо ехал, собрал все. Свиным жалко было отдать. Так Влад такой самогон из них сделал, что куда там ржаному виски!

– Все в дело идет, – пораженно прошептал дед.

– А то, – сиял папаша, – мы, Костромины, безотходные.

– Повезло мне с зятем, но жалко, сала копченого у вас нет.

– Витя, поручи старшему дебилу накопить сала. Видишь же, что папе закусывать нечем, – отреагировала чуткая дочь. – Тебе не стыдно, что тесть впроголодь живет?

– Влад, тетя Наташа выдаст тебе сала – его надо будет закоптить, – последовало указание.

– Но учти, я взвешу, – сразу предупредила меня экономка Наташа. – До и после копчения, и сравню.

– Да я и не сомневался, тетя Наташа.

– Витя, что он со мной огрызается? – немедленно окрысилась.

– Не смей пререкаться с тетей Наташей!

– Да я и не пререкался.

– Не спорь с отцом! Совсем страх потерял?

– МилАй, он тебя не уважает, – подливала масла в огонь Наташа. – Забыл, кто его содержит и кормит!

– Сдам в тюрьму, тогда вспомнит батьку, – грозил любящий отец. – Меня батя рогачом⁴² долбил и сделал человеком! А то еще молотком как врежет, так сразу уважение просыпалось!

– Оно и видно, каким ты человеком стал...

⁴² Рогач – ухват.

Борис Николаевич у себя в Смальцо вино творил, но с нами никогда не делился, так как оно было для их родни – «белой кости». Зато талантливо косящий под немецкого оккупанта дед любил, обильно «смочив жало», рассказывать, как в молодости на сборе хлопка одурманенных хлопковыми испарениями девушек подвергал сексуальной эксплуатации в извращенных формах. С таким смаком и скабрёзными подробностями расписывал, что у зятя глаза как два прожектора в ночи горели и стойкая эрекция начиналась. После этого всю ночь звуки бурного совокупления папеньки Вити и фривольной «горячей штучки» – Наташи мешали нам спать.

Она все время строила из себя гиперсексуальную натуру, которой пресловутая блудница Эммануэль и в подметки не годилась. «Разнузданней хоря во время течи и кобылиц раскормленных ярей»⁴³. Помню, когда она приехала к нам на рекогносцировку, то ночами так орала в процессе коитуса с измученным вынужденным воздержанием «половым гигантом» Виктором, что будила даже собак во дворе, не говоря уже про нас с Пашкой. Неистовые обезьяньи стоны разбудили приехавшего в гости Леника. Он, удобно лежа на моём диване⁴⁴, весьма юмористически комментировал происходящий в пропахшей грязным бельем и удушливой скуновой вонью «берлоге» старшего брата половой акт, а мы с Пашкой посмеивались в кулаки.

Еще новообретенный дедушка Борис часто хвастался нам с Пашкой, что однажды украл что-то у самого академика Д. С. Лихачева. Да уж, чем не законный повод для гордости? Правда, артефакт, ранее принадлежавший академику, краснорожий хапуга так нам и не показал. Может, пропил уже к тому времени, или считал, что мы, деревенские простаки, не достойны лицезреть триумф мелкого воришки.

Его изобретательная дочурка ввела очередной весьма забавный, для постороннего наблюдателя, обычай для экономии еды. Сначала за ужином благодетельница Наташа провоцировала кого-нибудь из нас, детей Вити, на разговор, а потом гневно гнала из-за стола за разговоры:

– Вон из-за стола, наглое отродье! А это нам с Настенькой, – порцию изгнанного члена семьи щедро делила между собой и псевдо-анемичной дочуркой, которая между тем на вольных деревенских харчах и свежем воздухе стала стремительно ожопливаться. Если раньше в ее болезненной городской стройности было что-то змеиное, как у болотной гадюки, то теперь она приобрела грацию сытой анаконды.

Бедного, доверчивого к людям болтуна Пашку Наташа постоянно выгоняла. Однажды и меня выгнала, но я взял свою тарелку и ушел доедать скудную порцию на крыльцо. После этого прецедента меня не выгоняла. Какой в этом смысл, если я с харчем уйду из-за стола? Так хоть существовала вероятность, что папа Витя щелкнет мне по лбу своей деревянной ложкой. Очень уж он любил нас с Пашкой еще со времен матери по лбам внезапно щелкать. Всю ложку об нас пооббивал⁴⁵.

– Я вас сделаю людьми, – приговаривал он. – Мамашу вашу блудливую сделал человеком, и вы у меня людьми станете! Еще и благодарить будете!

– Нужно было тебе настоять на аборте, – говорила Наташа. – Сейчас бы совсем другая жизнь у нас была без этих уродцев.

– Никогда не выходи замуж по любви как я, – поучала за столом Настю. – Только по расчету, а то будешь вот так же как я мыкаться с детьми-дебилами.

– А ты по любви вышла? – подпевала доченька.

– Конечно, если бы не любовь к Вите, то нас бы с тобой здесь давно не было. Только из-за любви и терплю этих неблагодарных свиней.

Папаша от таких слов просто млеял, как поросенок, которому чешут брюхо.

⁴³ «Король Лир» (акт IV, сц. 6).

⁴⁴ В отличие от меня, мерзнувшего на раскладушке.

⁴⁵ Фотографии ложки есть в аккаунте автора ВКонтакте. Эта ложка у него много лет использовалась для воспитания. Еще со времен событий, описанных в рассказе «Роковые пельмени».

– Кстати, моим придуркам хорошо бы румынский борщ научиться готовить.

– Это как? – заинтересовалась Настя.

– Очень просто: сначала надо украсть кастрюлю. Потом, свеклу и петуха.

– Ха-ха-ха, – звонко залилась Настя, – кастрюлю и петуха. Вот ты юморист, дядя Витя.

У вечно голодного папы была и другая крайне паскудная привычка. Бывало, отвлечет чем-нибудь во время ужина внимание, а сам хватает у меня или Пашки что-нибудь с тарелки и мгновенно пожирает аки «зверь рыкающий».

– А нечего было ворон считать! – после этого начинал хохотать будто нечистая сила, торжествуя глядя на обворованного «терпилу». – Бдительными надо быть! А вдруг так враги подкрадутся, пока вы рты разинули? Или цыгане?

– Или наркоманы? – зябко ежился Пашка, пугливо оглядываясь через плечо.

– К тебе, недопеченка, что наркоманы, что армяне без разницы. Такой каловичок всем нужен.

– Правильно, милАй, – подхватывала Наташа. – Тут им не ресторан. И вообще, еду еще заработать надо. Если они сексом не занимаются, то зачем им так много еды?

– Дядь Вить, во ты «жжешь», – нездоровым хохотом безумного павиана заливалась Настя, тряся себя по заднице толстой косой. – Каловичок, недопеченка. Я с тебя тащусь просто! Во ты слов сколько знаешь.

– Да, я такой, – самодовольно соглашался папаша. – Я еще и не так могу.

– А уж какой он в сексе великолепный! Просто чудо, – спешила похвастать доченьке Наташа. – Ты себе даже представить не можешь!

Так и сидишь – весь ужин тарелку локтями как на американской зоне прикрываешь и полубезумный бред, густо настоящий на пошлости, слушаешь. Правда, со временем мстительный сынок Пашка наловчился «наносить ответный удар», как та Империя в «Звездных войнах», ярим поклонником которых был киноман Витя. Гурман Витя, при жуткой неразборчивости в половых связях, в гастрономическом плане был дюже брезглив, и находчивый Пашка периодически говорил ему что-то вроде:

– Пап, а у тебя муха (волос) в супе (картошке).

– Подавись! – папаша бросал свою большую тарелку, плевал в нее, бил Пашку в лоб ложкой, и уходил к телевизору на мой продавленный его водянистой тушей диван. Там у него давно уже, еще со времен матери, постоянная лёжка оборудована была. Обрадованный Пашка поедал отвергнутую старым пройдохой пищу, и в такие редкие вечера выбирался из-за стола сытым.

Мать же наша, без сомнения, по привычке, сказала бы на это:

– Муха в еде это к неискреннему подарку.

Между прочим, с этой лёжкой на продавленном тушей отца диване связан еще один забавный случай, произошедший, правда, еще при матери. Шаловливый беспутень Пашка бежал по комнате и, озорничая, снимал трусы на ходу. К мьтью в ванной так готовился. При взмахе ноги трусы взлетели под потолок и повисли на краю карниза. Понятно, что робкий Пашка, очень боявшийся высоты, не полез их снимать и утаил от всех позорную утрату нижнего белья. Приблизительно через неделю, лежа на диване, куря и задумчиво созерцая потолок во время рекламной паузы, внимательный мыслитель Витя заметил новую конструктивную деталь в интерьере. Ленясь встать и проверить, он пару часов, совершенно забыв про показываемый фильм, лежал и гадал, что это за неожиданный элемент декора.

Прикинул, может, мать выдумала и повесила ламбрикен какой-нибудь декоративный? Она как раз во всех дверях дома занавески из длинных цепочек канцелярских скрепок, обернутых порезанными открытками, повесила. Была в то время такая мода в деревне. Скрепки с открытками девать не куда было, не то, что ныне. Так и не придя путем дедуktivных умо-

заклучений к какому-либо рациональному объяснению сего феномена, папенька Витя наконец-то встал и рассмотрел странный предмет поближе. Это породило у него новые вопросы: «Что Пашкины трусы делают на карнизе?». Внезапно разбуженный и допрашиваемый с пристрастием Пашка спросонья растерялся и с жалобным плачем признался в утрате веренного ему предмета туалета. За что был жестоко бит сначала папой за утрату нижнего белья. А потом ему добавила уже мать, которую вопли избиваемого Пашки подняли с постели, за то, что разбудил среди ночи.

Однажды вечером, когда льстивый муж, громко нахваливая талантливую кулинарку Наташу, прожорливо заглывал, смазанные сливочным маслом, блины, которых нас за какую-то очередную вымышленную провинность лишили, жадно наблюдающий Пашка спросил:

– Тетя Наташа, а те жучки, которые в муке были, – вы их куда дели?

– Какие жучки? – рука папы замерла, не донеся очередной блин, щедро обмакнутый в сметану, до широкого рта.

– Не обращай внимания, милАй, – попыталась отвлечь супруга Наташа. – Что ты слушаешь этого придурка? У него бред от спермотоксикоза.

– Какие жучки, дефективный? – не унимался папенька, вперив в Пашку свирепый взгляд. – Где ты жучков сумел углядеть с твоим-то зрением?

– Там, когда тетя Наташа муку просеивала, жучки какие-то ползали, – с готовностью заложил мачеху Пашка. – Черные такие...

– Наташ, что там, правда, какие-то жучки были в муке?

– МилАй, да ничего страшного. Я просеяла и никакие жучки не попали в блины, – пыталась оправдаться благодетельница, но брезгливый прожор Витя ее уже не слушал.

Взбешенный испорченным аппетитом потрясень, который был до блинов весьма охоч, швырнул Пашке тарелку блинов со словами:

– Сам теперь жри эти блины, и подавись ты ими, выродок проклятый! Мудак – «Дихлофос»! Понарожали вас на свою голову! Пооблысели все! Теперь никакой жизни от вас нет, клопов запечных! Надо было тебя армянам продать! Хоть какая-то бы польза для бюджета была.

Этой эскападой он несказанно обрадовал вечно голодного Пашку. Редко такое счастье на лице ребенка увидишь как то, которое было написано на худом лице Пашки в такие минуты.

Еще юный шельмец Пашка наловчился, развлекая любимого папу, подобно анаконде, целиком глотать маринованные помидоры.

– Пап, смотри, как я могу! – лицо вверх задирает, рот открывал широко, подкидывал помидор, ловил его открытым ртом и, не пережевывая, глотал.

Прямо видно было хорошо, как по горлу у него помидор проходит. Признаюсь, завораживающее было зрелище.

– Помидоры, помидоры, пусть живет у нас романтика в сердцах, – напевал отец, пристально, как удав, наблюдающий за кроликом, глядя на сына.

Потом Пашка с куриными яйцами сырыми наловчился так поступать и глотал их целиком.

– Наташ, дай помидорок с десяток, – под эти зрелища духовный плебей Витя и помидоры и яйца охотно выбивал у прижимистой супруги.

– Зачем тебе, милАй?

– Пашка фокусы показывать будет.

– Пускай этот фокусник лучше расскажет, как он умудряется наши с Настей трусы из закрытого ведра выуживать.

– Ничего я не выуживаю, – отрицал Пашка.

– Как не выживаешь? Настя, когда мылась вчера, на трусы волос положила, а сегодня он сдвинут. А кто после нее мылся? Ты же и мылся, нюхач мелкий!

– Не я это! – Пашка забивался в свою комнату.

– Извращенцами дети растут, – констатировала Наташа. – Надо в интернат отдавать, от греха подальше. А то так и изнасиловать могут кого-нибудь.

– Да кого они могут изнасиловать-то?

– Значит, их самих кто-нибудь изнасилует.

– Это да, это вернее может быть. Ха-ха-ха.

Надо заметить, что способ развлекать «сильных мира сего» глотанием помидоров ловкий Пашка не сам придумал, а взял на вооружение из прочитанной книги про Ходжу Насреддина. Книга попала к нему следующим необычным образом. Однажды бедного ребенка, и ранее не слишком балуемого жизнью и затюканного мачехой, похитили. Да, да, самым натуральным образом похитили. Была у нас в деревне некая блудница Валя Бутуиха, дочка печально знаменитого и уже знакомого вам из сборников «Наследники Мишки Квакина» деда Бутуя и сестра не менее известного гнусного персонажа по кличке «Два алеса», а также некоей Аллочки, вышедшей замуж за одного из выводка Васямали. Фигура всё из той же пестрой колоды идейных «детей Васямали». Не знаю, зачем ей понадобился забитый придурковатый ребенок, но, встретив беспечного Пашку, идущего домой из школы через конторский сад, с помощью пачки жевательных конфет «Мамба» и различных заманчивых посулов завлекла к себе домой и заперла. И это ребенка, которого мать долгие годы запугивала наркоманами, которые могут похитить его для изготовления из мозга наркотиков! Да и мачеха, угрожающая интернатом для умственно отсталых детей, душевному спокойствию ребенка тоже не сильно способствовала.

Сама новаявленная деревенская киднепперша Бутуиха, «замуровав» Пашку в убогих стенах своего жилища, на нашем школьном автобусе, поехавшем забирать учеников, доехала до Алешни, а уже оттуда свалила в Добровку на попутной машине. Похищенный Пашка просидел в одиночестве два дня, так как мачеха и любимый папенька, упиваясь алкоголем и грязным сексом, не сразу заметили его отсутствие. Меня тогда дома не было – я уже неделю скрывался в лесах от семейных репрессий.

Чем таким занималась сестричка Настя, что не заметила отсутствия сводного братика, не знаю. Косу она заплетала или, томно вздыхая, читала очередной любовный роман с элементами эротики, до которых была большая охотница. Или может, задирали длинную ногу на шведскую стенку. Этот комплекс, состоящий из металлической шведской стенки с турником, пружинных блоков с рукоятками, съемной наклонной доски для тренировки пресса и тележки, едущей по этой доске, еще при матери мне подарил на день рождения Леонид Филиппович, и я закрепил его к стене раздевалки. Настя, переехав к нам, сразу же комплекс оккупировала. Постоянно вертела возле него своим тощим задом, мешая пройти в комнату. Все мечтала топ-моделью стать.

– Настя, можно я в комнату пройду?

– С моей клевай внешностью завести богатого спонсора будет не трудно. А вы, недотырки деревенские, еще будете мне всю жизнь завидовать!

– А чего нам тебе завидовать-то, если ты выбираешь скользкую стезю женщины легкого поведения? В комнату пропустишь или нет?

– Мама, он назвал меня шлюхой! – кричала сестрица.

– Витя, твой дебил назвал Настю словом на букву б! – реагировала Наташа.

– На маму бы свою посмотрел для начала, урод плоскощекий! – вступал папаша. – Немедленно извинись перед сестрой!

– За что? Она сама сказала, что желает стать женщиной легкого поведения.

– Много ты в женщинах понимаешь, онанюга хромой! – выкрикнула из спальни Наташа.

– Я достаточно понимаю, чтобы понять, что в нашей семье женщин нет, – ответил я.

– Ах ты, мерзавец! – прибежала Наташа. – Витя, немедленно заставь его извиниться или ноги нашей тут больше не будет!

– И скатертью дорога!

– Ну, сейчас я тебя научу, как мать и сестру оскорблять! – плешивый папаша как жираф, влюбившийся в антилопу, ломанулся в спальню.

Я, сообразив, что он побежал за ружьем, кинулся бежать на улицу. Только добежал до погреба, как услышал звук выстрела.

– Иди сюда, герой сраный! Я тебе покажу, кто круче! – надрывался отец, прыгая по крыльцу, как взбесившийся кенгуру в кукурузе. – Сюда иди, в Тараса Бульбу поиграем!

И такие скандалы возникали на ровном месте постоянно.

Только когда назавтра учительница из школы позвонила, то семейство сельских трутней обратило внимание, что Пашка не ночевал дома.

– Здравствуйте. Виктор Владимирович, а что с Пашкой случилось, почему он не пришел в школу?

– Как не пришел? – искренне удивился папаша. – А где же он?

– Это я у вас хотела спросить.

– А я что, сторож ему? Носится где-нибудь, сломя голову. Наташ, ты младшОго не видела?

– Нет, милАй.

– Настя, а ты?

– Я что, слежу за этим извращенцем? – вопросом на вопрос ответила падчерица. – Небось, с Моргуненком голубятся где-нибудь.

– Нет, никто не знает, где он, – отрапортовал в трубку. – Если появятся новые сведения о ребенке, то мы непременно поставим вас в известность. Вы, если что, то не стесняйтесь и звоните прямо мне. А теперь вынужден откланяться – дела государственной важности, – витийствующий демагог положил трубку.

Очень заботливые родственники, ничего не скажешь.

– Наташ, младшОй пропал куда-то.

– Ну и замечательно. Бог услышал наши молитвы. Думаю, недоумка забрали черти. Главное, чтобы не пожалели и не вернули его обратно.

– Наташ, скандал может возникнуть, – вполголоса сказал отец. – Могут подумать, что мы его того...

– Чего того?

– Придушили...

– Давай на старшего УО свалим. Скажем, что он его придушил, – предложила матушка и благодетельницы. – Двух дебилов убьем одним выстрелом: младшего похороним, старшего посадим.

– Сначала надо тело мелкого гаденыша найти, а потом уже будем решать.

– Давай тогда поиски организовывать. Это будет в нашу пользу расценено потом, если что.

– Что если что?

– На суде там или еще где-то.

– Понял, – папаша протанцевал к телефону и начал набирать номер.

– Ты кому звонишь?

– Начну с Лобана.

– Алло, Нин, ты? Мужика позови, – начал командовать в трубку. – Зигзаг, привет.

– Привет, Владимирыч.

– У меня сын пропал.

- Какой?
- МладшОй. Надо поиски организовать. Привлечи Клопика с его кодлой. Надо найти постреленка. Скажи, что разумное вознаграждение я гарантирую.
- Вознаграждение?
- Да, самогонкой.
- Понял, сейчас организуем. Не волнуйся Владимирыч, найдем.
- Я и не волнуюсь, – кладя трубку, мерзко рассмеялся папаша.
- А чего ты его Зигзагом называешь? – поинтересовалась слушавшая разговор Наташа.
- Потому, что он Зигзаг и есть. Мы с ним вместе со Злом боролись, – засмутился и покраснел лысиной Виктор Владимирович.
- С бывшей своей что ли?
- Нет с другим Злом, – смущенно прятал глаза «борец». – Это еще до тебя было⁴⁶.
- Понятное дело, что до меня. С твоей «бывшей» и такими безмозглыми детьми любой бы слегка крышей поехал.
- Только ты меня понимаешь, – всхлипнул растроганно. – Только я не сумасшедший!
- Да, милАй.
- Я нормальный!
- Не надо этого стыдиться, – обняла мошенница крупную голову супруга. – Скоро все твои беды закончатся. Избавимся от выродков и заживем долго и счастливо.

Папаша от нахлынувших весенним разливом чувств начал голосить, рыдая, как крокодил над умученной газелью.

По деревне начались судорожные поиски пропавшего ребенка. У деревенских даже возникло подозрение, что не умеющий плавать Пашка утонул в озере. Думаю, такой трагический вариант, влекущий за собой моральное сочувствие окружающих и возможные дивиденды, вполне бы устроил и папеньку Витю и маменьку Наташу и долгокосую сестричку Настю.

Масштабные поиски с привлечением лучших сил деревенской общественности, возглавляемой кинобудчиком Володей Клопиком, ни к чему не привели. Добровольные поисковики впали в уныние и приготовились поминать невинное чадо Божье. Похищенный ребенок, не подозревающий, что его ищет целая толпа народа, нашелся сам. У беспутной блудницы Бутуихи дома был проигрыватель грампластинок, похожий на проигрыватель, который был у нас дома при матери. Боязливый Пашка ставил, чтобы не бояться в одиночестве, заигранную пластинку Аллы Пугачевой и слушал её максимально громко. Однообразная непрекращающаяся фонограмма, в конце концов, привлекла внимание бдительных соседей, и пропавший был обнаружен. Из взломанного освободителями дома Бутуихи он и прихватил толстую оранжевую книжку про Ходжу Насреддина⁴⁷, полулитровую банку яблочного варенья, полусломанную акустическую гитару и катушку от спиннинга. Станный, конечно, набор трофеев, но видимо, больше ничего ценного в этом неприятном доме не оказалось.

Ничего особо удивительного в этом нет, так как когда я позже сбежал из дома и полгода скитался по стране, то, по словам Пашки, мое отсутствие папенька и Наташа заметили лишь месяца через три где-то. Не до нас им было. Думали только как неистово потрахаться и плотно набить ненасытные утробы свои да бездонные карманы.

Между прочим, когда я еще был совсем маленьким, и жили мы в Пеклихлебах, то когда родители уходили на работу, я, остававшийся с новорожденным братом, чтобы не бояться, включал проигрыватель. Видимо, подсознательное воспоминание об этом осталось в памяти Пашки и спасло его.

⁴⁶ См. рассказ «Черный плащ».

⁴⁷ Фотографии данного печатного труда приведены на странице автора ВКонтакте.

Странная киднепперша Валя Бутуиха объявилась в деревне только к новому году. Так что мотивы похищения остались покрытыми глубокой тайной. Впрочем, никого не удивило, что в течение недели после обнаружения Пашки у незадачливой похитительницы детей сгорел сарай.

Еще один весьма характерный случай, произошедший с Пашкой. Однажды любящий отец поручил горячо любимому младшему сыну просушить сигареты на солнышке. Он тогда «Астру» смолил с усердием, достойным лучшего применения. Это когда свои сигареты курил. А если «стрелял», то курил любые, не обращая принципиального внимания на марку и производителя. Выдал безудержный дымосос ребенку купленные по дешевке сигареты и строго наказал следить, чтобы не было дождя. Тот, несказанно гордый важным поручением, разложил пачки на сиденье мотоблока и стал сушить.

К вечеру принес домой мокрые сигаретные пачки. Папа вытаращился на него как бизон, впервые встретивший бегемота. На гневные обвинения отца, стучащего пальцем по украденному в Москве барометру:

– Баран слепой, дождя же не было!

Пашка логично ответил:

– Дождя не было, но был сильный ветер!

– А ветер тут при чем? – не понял отец, отвешивая мощную оплеуху и начиная извлекать из брюк ремень. – Так ты мне тут зубы заговариваешь?

– Там лужа возле мотоблока.

– При чем тут лужа?

– Ве-ве-тер в-в лу-лу-жу с-с-с-дул, – начал заикаться от страха Пашка.

– Что ты там мямлишь, мелкопрофильник? Что, говно на зуб попало – прожевать не можешь? Умнее батьки стал?

– Нет, не умнее, – в ужасе открестился от крамольной мысли несчастный ребенок. – Ты умнее!

– Я тебя научу родителей любить! На всю жизнь запомнишь! По интернату соскучился, недоделок?

– Папа, ты умнее, только не отдавай меня в интернат!!!

За проступок несчастный ребенок, папашей перешедшим на полностью нецензурные выражения, был нещадно выпорот ремнем. Впредь папа Витя столь ответственных поручений ему больше не давал.

Тут позволю себе еще одно небольшое лирическое отступление. *Вообще же, в детстве нас жестко били всем, что под руку попадет. Мать, например, любила шнуром от кипя-тильника воспитывать. Однажды я ее чем-то сильно прогневал. Гналась за мной через весь дом, догнала на крыльце, свалила на бетон, не спеша обулась в кирзовые сапоги и примерно с полчаса с наслаждением топтала меня ногами, норовя попасть по нижним рёбрам.*

А уже позже, за то, что я по поручению отца принес мешок с мясом из машины Кольки Лобана, не сумев догнать, запустила в меня чугуном. Пробила коленную чашечку на правой ноге. На этом случае надо остановиться поподробнее.

Однажды папаша вернулся откуда-то.

– Что вы забились как сурки? Почему батьку не встречаете? – поприветствовал нас с Пашкой, входя в дом. – Я всегда отцу стремился помочь, а вам, дармоеды, лишь бы спрятаться да книжки читать. Валь, я там мясо привез. Ты разбери его. Влад, шуруй к «летучке» Лобановой и принеси мясо, — продолжал раздавать указания почтенный pater familias⁴⁸.

⁴⁸ отец семейства (лат.).

– А где оно там лежит?

– В кузове, в мешке. Даже такой неуч как ты не перепутает. На крыльце его положи, мать разберет.

Я принес мешок домой. Поставил, как было приказано, на крыльцо. Мать вышла на крыльцо и стала изучать содержимое мешка, а я пошел разжигать костер, чтобы поставить варить свиньям.

– Вить, мешок тяжелый! – внезапно завизжала она.

– И что? – лениво поинтересовался жующий за столом в прихожей папаша.

– Как «что»? Целая голова свинья! И окорок! Вить, из-за твоей лени Влад надорвался!

– Да что ты голосишь? Ничего он не надорвался.

– Влад, иди сюда, — позвала мать.

– Зачем? – подозревая подвох, поинтересовался я.

– Иди сюда немедленно, урод!

– Да не пойду я!

– Вить, ну ты и хамоидол ленивый! Ребенка искалечил!

– Да заткнись ты уже! Влад, немедленно подойди! – заорал отец.

– Зачем? – я все меньше и меньше хотел подходить к истеричной мамаше и выскочившему на крыльцо отцу. Он вообще не любил, когда его во время сна или еды тревожили...

– Он еще спрашивает! – мать внезапно швырнула в меня чугунок, в который собиралась укладывать мясо. – Еще пререкается, скотина!

Бросок был для меня полной неожиданностью, и я не сумел на него среагировать. Чугунок как пушечное ядро врезался мне в правую ногу, ослепительной вспышкой боли сбив меня на землю.

– Хватай его, пока лежит! – теряя сознание от боли, услышал я.

Пришел в себя от бодрящих ударов.

– Я тебя научу, как родителей уважать! – приговаривала мать, яростно хлеща меня отцовским ремнем.

– Дай ему Валь, дай, как следует! — отец стоял неподалеку с тарелкой жареной картошки в руке, и жадно пожирал ее. – Совсем от рук отбил, падла конопатая!

Я попытался вскочить и убежать, но упал от боли в колене.

– Что скажешь, как козел? – поинтересовалась мать, прерывая избиение.

– Нога!

– Что нога?

– Нога поломана!

– Валь, ты ребенка покалечила! – проявил заботу папаша.

– Покажи ногу! – потребовала мать, приседая на корточки. – Это из-за твоей все лени, Витя! Если бы ты не был ленивым как мерин и принес мешок!

– Чугунок ты бросила!

– Я подумала, что он надорвался, таща тяжеленный мешок, — легко нашла оправдание мать. – Ты во всем виноват, чурбан бесчувственный!

Осмотр выявил опухоль колена и скопление красно-желтой жидкости.

– Ничего страшного. Походит с костылями, — отреагировал отец. – Ему не привыкать.

– Какими костылями? Ты же их продал, дебил лысый! – вновь начала истерить мать. –

И за что мне такое наказание! Господи!!!

– Да ладно, чего ты ноешь? Возьму у деда, у Чумазова. У него как раз где-то один костыль валяется. Владу на одну ногу и одного костыля хватит.

– Витя, какой же ты бесчувственный!

– Можно подумать, ты чувственная! Да что с тобой разговаривать! Тыфу на тебя, — папаша вернулся в дом и продолжил прерванный ужин. – Мясо не забудь разобрать, а то пропадет,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.